This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

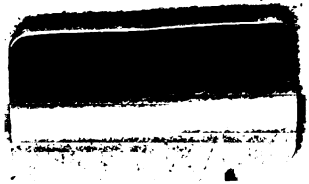
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 320 351

P G
3337
P7
E77
1832
MAIN

YB 56987

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA



ЭРШЕЛИ

и

ЧИРЪ-ЮРТЪ.

ДВѢ ПОЭМЫ

А. ПОДЕЖАЕВА.

Evil be to him that evil thinks.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ.

1832.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

JAN 14 1994

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 12 дня, 1832 г.

Цензоръ С. Аксаковъ.

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

PG 3337
P7 E77
1832
MAIN

ВОИНАМЪ КАВКАЗА.

M635331

ЭРШЕЛИ.

ГЛАВА I.

Едва подъ Грозною (*) возникъ
Эфирный городъ изъ палашокъ
И раздался привѣтный крикъ
Учившихъ Егерскихъ солдашокъ:
»Вотъ булки, булки, Господа!«
И чистя ружья на просторѣ
Богатыри, забывши горе,
Къ нимъ набѣжали какъ вода;
Едва иные на форштатѣ,
Найти успѣли земляковъ
И за бесѣдою о свашѣ,
Иль о семействѣ кумовьевъ,
Въ сердечномъ Русскомъ восхищеньи,
И обоюдномъ поздравленьи,

(*) Крѣпость.

Вкусили счастіе сполна
За квартой краснаго вина;
Едва зацарствовала дружба, —
Какъ вдругъ, о, тягостная служба!
Приказъ по лагерю идетъ:
Сей часъ готовиться въ походъ!
Какъ вражья пуля пролетѣла
Сія убійственная вѣсть,
И съ лѣнью сильно зашумѣла
На мигъ воинственная честь.
»Увы! твердила лѣнь солдатамъ,
И отдохнуть вамъ не дано;
Вамъ, точно грѣшникамъ проклятымъ,
Всегда быть въ мукѣ суждено!
Давноль явились изъ похода,
И снова, батюшки, въ походъ;
Начальство только для народа
Смышляетъ трудъ да переводъ;
Пожить бы вамъ, хотя не много,
Подъ грозной крѣпостью друзья;
Нѣтъ, нѣтъ у Розена ни Бога,
Ни милосердья, ни меня!
Пойдете вы, шататься въ горы,
Чеченцы, бестіи и воры,

Уморятъ васъ безъ сухарей ;
Спросите здѣшнихъ Егерей ! . . «
— Молчашь , негодная розня !
Въ отвѣтъ презрительно ей честь ,
Я сердца Русскаго Богиня
И подавлю пятою лесть !
Ужель вы , братцы , изъ отчизны
Сюда спѣшили для того ,
Чтобъ послѣ слышать укоризны
Отъ сослуживца своего:
«Они де, намъ не воевали,«
А только спали на печи ,
. . . . . .
Да въ селахъ ѣли колачи !
(Не воевали мы безспорно —
Есть время спать и воевать).
Вамъ былъ знакомъ лишь вѣшеръ горной ,
Теперь пора и горы знать ;
Вы цѣлой годъ здѣсь ѣли дули ,
Арбузы , шёрнъ и виноградъ ,
Теперь — прошу, отвѣдай пули ,
Кто духомъ истинный солдатъ !
Винишь начальство грѣхъ и глупо ,
Оно , ей ей, умнѣе насъ ,

И безъ причины вмѣсто супа
Въ котлы не льетъ гусиной квасъ.
Идите въ горы, будьте ради,
Пора патроны разстрѣлять,
За храбрость лѣстныя награды
Сочтутъ за долгъ вамъ воздавать;
А Е. . . . прошу не вѣрить,
Хоть лѣнь сослалась на ихъ гуртъ,
Они привыкли землемѣрить
Одну дорогу: въ старой Юртъ. — (*)
Такъ часть солдатамъ говорила,
Паря надъ лагеремъ полка,
И лѣнь печально и уныло
Ушла, вздохнувъ издалека.

Внезапно ожили солдаты;
Вездѣ шпердятъ: »въ походъ, въ походъ!«
Гошовы. »Здравствуйте ребяты!«
—Желаемъ здравія! — И вотъ

—

(*) Старый Юртъ, маленькая крѣпость, въ 18 верстахъ отъ Грозной. Возлѣ самой крѣпости протекаютъ между горъ ручьи горячихъ минеральныхъ водъ.

Выходятъ роты. Солнце блещетъ
На грани ружей и штыковъ;
Крестъ на грудь — и какъ море плещетъ
Въ рядахъ походный гулъ шаговъ.
Вотъ Розенъ! .. Какъ глава онъ шла,
Онъ опъ дружинъ не отдѣленъ,
Его присутствіемъ несмѣлый
Козакъ и воинъ оживленъ!
Его сребристыя сѣдины,
Пріятны старымъ усачамъ,
Онѣ являютъ ихъ глазамъ
Давно минувшія картины,
Глубоко памятные дни!
Такъ прежде видѣли они
Багратіоновъ предъ полками,
Когда, гоповя смерть и громъ,
Они, подъ Русскими орлами,
Шли защищать Романовъ домъ,
Возвысить блескъ своей отчизны,
Или къ безсмертью на пути
Могилу славную найти,
Для вѣчной и безсмертной Тризны!
Такъ прежде самъ онъ былъ знакомъ
Сѣдымъ служителямъ Беллоны,

Свои надежды, обороны
Они вторично видятъ въ немъ.

И полкъ устроенной громадой
По полю чистому валитъ,
И вѣперъ свѣжею отрадой
Здоровыхъ пупниковъ даритъ.
Все живо: здѣсь неугомонной
Гремитъ по волѣ барабанъ;
Тамъ хоры пѣсни монотонной:
Палъ на сине море туманъ!
Здѣсь *здраствуй милая*, съ скачками
Передоваго плясуна;
Веселый смѣхъ между рядами
И безъ запрету шишина;
Глубокомыслящіе Каппы
И на Черкескихъ жеребцахъ
Въ доспѣхахъ горскихъ Адьютанты,
Крутя столпомъ летучій прахъ,
Сверкаютъ, вьются предъ глазами.
День вечеретъ; за горой
Съ полублестящими лучами
Исчезъ богъ свѣта золотой.

Луна серебряной лампадой
Видиѣлъ въ небѣ голубомъ;
Заря вечерняя прохладой
Пріятно вѣетъ надъ полкомъ.
Впередъ, впередъ — еще не много,
Близка до станціи дорога!
Вотъ ручеекъ горячихъ водъ . . . .
Ошбой! . . . оконченъ переходъ! . . .

ГЛАВА II.

Кто любитъ дикія картины
Въ ихъ первобытной наготѣ,
Ручьи, лѣса, холмы, долины,
Въ нагой природу красотѣ;
Кого плѣняетъ духъ свободы,
Въ Европѣ вышедшей изъ моды
Назадъ шому немного лѣтъ,
Того прошу, когда угодно,
. . . . . .
И въ аммуниціи походной
Идши за мной тихонько вслѣдъ.
Я покажу ему на свѣтѣ
Такихъ вещей оригиналъ
Которыхъ, вѣрно въ кабинетѣ
Онъ на ландкартахъ не видалъ;
А шедши фронтомъ на походѣ

Увидишь ихъ по сторонамъ,
Какъ у себя на огородѣ
Чеснокъ и рѣдьку по грядамъ;
Я покажу ему съ улыбкой
На спепи версшъ по пяши сошъ,
На койхъ изрѣдка ошибкой
Ковыль съ мордвинникомъ расшешъ
И, разспилаясь въ день румяный,
Цвѣтникъ сей длинной полосой
Блеспишъ, какъ океанъ багряный
Своей колючею красой.
Я покажу ему Тишана,
Копорый сѣдъ и сшаръ какъ бѣсъ,
Въ огромной области шумана
Всегда въ войнѣ пропивъ Небесъ!
Изъ ребръ его окаменѣлыхъ,
Милльономъ волнъ олѣденелыхъ,
Шумяшъ и лѣшомъ и зимой
Ручьи съ свирѣпой быспрошой.
Напрасно жаръ полдневный пышешъ,
Сразясь съ прошнымъ ею вѣшкомъ,
Сердишъ и пасмуренъ, онъ дышешъ
Одними вьюгами и льдомъ!
Кругомъ опъ моря и до моря,

Хребты гранита и снѣговъ,
Какъ Ельборусъ съ природой споря,
Стоятъ отъ бытности вѣковъ!
И непреступная сіетъ
Изъ облаковъ ихъ высота,
Туда лишь дерзкая мечта
Съ царемъ пернатыхъ долетаетъ.
Потомъ, направивши слегка
Полетъ и взору и надеждѣ,
Я бъ показалъ сему невѣждѣ
Крутыя горы изъ песка,
Которыхъ около Валдая,
Разъ десять въ Пиперъ проѣзжая,
Замѣтить вѣрно онъ не могъ.
А что за видъ! какой песокъ!
Куда вашъ славный Воробьевскій!
Какой нибудь писецъ Московскій
Не только бъ въ думѣ пожалѣлъ
Засыпать имъ свой бредъ плуповскій;
Но право бъ горсть тихонько съѣлъ!
Потомъ, пришедши съ нимъ на берегъ,
Я бъ показалъ ему Сулакъ,
Лихую Сунжу или Терекъ.
Не утерпѣлъ бы онъ никакъ,

Что бы не вскрикнуть: что такое,
Вода иль грязныя помои? (*)
Въ отвѣтъ—помилуйте, вода,
Сказалъ бы я ему невинно,
Попробуйте, она чиста,
Какъ въ Яузѣ или Неглинной!
Пошомъ, любезному дружку,
Я показалъ бы лѣсъ фруктовой,
Въ которомъ съ дѣвушкой суровой
Сойтись опасно паступику
За тѣмъ, что слишкомъ малъ въ округѣ,
Верстъ десять только есть къ услугѣ,
Да и довольно некрасивъ:
Изъ грушей, персиковъ и сливъ!
Спросилъ бы я его учтиво,
Давноль онъ прибылъ изъ столицъ,
Ѣдятъ ли тамъ въ Іюнѣ сливы
Безъ покровительства шепличъ?
На всѣ вопросы таковые
Глазища выпуча большіе

(*) Всѣ рѣки на Кавказѣ чрезвычайно быстры и мутны.

Стоялъ бы онъ передо мной,
Какъ Сивка Бурка предъ Бовой,
Или какъ листъ передъ травой;
А я, въ досужный часъ отъ скуки
Въ Коспекахъ или Ташкичу
Его ударя по плечу
И взявши дружески за руки,
Зашелъ бы съ нимъ за буеракъ
И, сѣвши рядомъ, началъ такъ:
«Мой милый! очень натурально
Вамъ всѣмъ, столичнымъ пѣшушкамъ,
Изъ залы вышедъ танцовальной,
Дивиться здѣшнимъ чудесамъ.
Вамъ все здѣсь ново, все забавно,
Я очень вѣрю, потому
Что я и самъ еще недавно
Облекся въ рваную суму;
И я, мой другъ, въ былые годы
Ходилъ во фракахъ, да какихъ?
Послѣдней, самой лучшей моды,
Коротконалдыхъ, обрѣзныхъ!
Шпаны на мнѣ, я помню живо,
Любилъ носить я широко
Изъ казимира и трико,

Внизу съ чешуйкою красивой;
А сапоги, ты вѣрно зналъ
Всѣ магазейны по бульвару,
Мнѣ Нѣмецъ Хейнъ всегда шивалъ
По тридцати рублей за пару,
На вѣсъ пять, шесть золотниковъ,
Вотъ былъ недавно я каковъ!
Такъ обратимся мы къ предмету:
Я думалъ также, какъ и ты,
Гоповъ былъ цѣлой вѣкъ по свѣту
Искать чудесъ и красоты
Въ природѣ мудрой и премудрой,
Какъ намъ твердитъ ученый хоръ,
И восхищался до тѣхъ поръ,
Пока. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . и чтоже?
Прошу пройтиться на Кавказъ!
Съ какою, думаешь ты, рожей
Узналъ заслуженный приказъ?
Не восхищался ли какъ прежде,
Однимъ названіемъ Кавказъ?

Недалъ ли крылышекъ надеждѣ
За черновщиною летѣть,
Какъ по: Черкешенокъ смотрѣть,
Плѣняться день и ночь горами,
О конхъ съ многими глупцами
По Географіи я зналъ,
Ельбрусомъ, борзыми конями,
Которыхъ Пушкинъ описалъ
И прочая.... ахъ! нѣтъ, мой милый,
Я вспомнилъ то, кѣмъ прежде былъ,
Во что Господь преобразилъ,
И съ миной кислой и унылой
И носъ и уши опустилъ!
Пришедъ сюда, я взоромъ дикимъ
Окинулъ все, что прежде мнѣ
Казалось чуднымъ и великимъ
И всѣмъ скучалъ на единѣ,
Въ шуму пировъ и шишинѣ!
Вотъ, эти дивныя картины:
Каскады, горы и стремнины...
Съ окаменѣлою душой,
Убитый горестною долей,
На нихъ смотрю я по неволѣ,
И вѣрь мнѣ — вижу изъ всего

Уродство — больше ничего!
Быть можешь, другъ мой, почему же
Не быть подобному съ тобой?
Поссорясь вѣчно съ судьбой,
Ты самъ надѣнешь фракъ поуже
Или двѣ капли, такъ какъ мой,
Тогда судишь умнѣе спанешь,
Навѣкъ поклонишься мечтамъ
И удивляться перестанешь
Кавказа вдохнымъ чудесамъ!

ГЛАВА III.

Межь тѣмъ уходитъ день за днёмъ
Неизмѣняемымъ порядкомъ;
Жары надъ спранспвенным полкомъ
Смѣняетъ ночь въ молчаньи краткомъ;
За переходомъ, переходъ
Степьми, аулами, горами
Московцы, дружными рядами,
Идутъ прослушно, безъ заботъ.
Куда? зачѣмъ? въ огонь иль въ воду?
Имъ всё равно: они идутъ,
Въ ладьяхъ по Тереку плывутъ,
По быстрой Сунжѣ ищутъ броду;
Разноситъ вѣперъ, вдоль рѣки
Съ полпами раненыхъ челноки,
Бросаетъ Сунжа вверхъ ногами

Героевъ съ храбрыми сердцами ; (*)
Ихъ мочитъ дождь , ихъ сушитъ пыль !
Идутъ — и живы , слава Богу !
Друзья ! повѣрьте , это быль ,
Я самъ , что дѣлаешь , понемногу
Узналъ походную премудрость
И кто , что хочетъ говори ,
А я , какъ демонъ безобразный ,
Въ пору , усталый и въ пыли ,
Мочилъ не рѣдко сухари
Въ водѣ болотистой и грязной
И , помолившися потомъ ,
На камнѣ спалъ покойнымъ сномъ !
А вы , бифштексы и котлеты ,
Домашней кухни суета !
Какіе лѣстные привѣты ,
Я вамъ выдумывалъ тогда !
Съ какимъ живымъ воспоминаньемъ ,
Съ какимъ чудеснымъ обольщеньемъ

(*) Сунжа въ самыхъ мѣлкихъ мѣстахъ, такъ быстра , что не возможно сильному человѣку сдѣлать шагу , не подавшись въ сторону. Большая часть солдатъ переходила ее , держась между собою за руки , а нѣкоторые падали съ ружьями.

Передъ собой воображалъ!
Я васъ не рѣзавши глоталъ
Безъ огурцовъ и кресс салата . . . .
А на повѣрку наконецъ,
Увы! хоть съѣлъ бы огурецъ,
Да нѣтъ ихъ въ ранцѣ у солдата!

. . . . . .
. . . . . .

Уже осталося за нами
Довольно Русскихъ крѣпостей,
Въ которыхъ, рядомъ съ Кунаками
Живутъ семейства Егерей,
Или скажу яснѣе — роты
Линейной Егерьской пѣхоты
Изъ сорокъ третьяго полка;
Ужь наши воины слегка
Болтать учились по Чеченски,
Какъ встарь учились по Нѣмецки
И восхищались отъ души,
(Таковъ обычай Русской рати),
Когда случилося имъ кстати
Сказать: Яманъ или Якши;
Уже Тарутинцы успѣли
Подробно нашимъ разсказать,

Притомъ прибавить и прилгать,
Какъ въ Турціи они терпѣли
Отъ пуль, и ядеръ, и чумы,
Какъ воевали подъ Аджаромъ,
И быль украшивая съ жаромъ,
Плѣняли пылкіе умы
Всегда лежавшіе на печкѣ.
Мы, въ разговорѣ дѣловомъ
Прошедши въ бродъ еще двѣ рѣчки,
Къ *Внезапной* крѣпости тишкомъ
Пришли внезапно вечеркомъ...
Вотъ здѣсь — и точка съ запятою....
Я долженъ тонъ перемѣнить
И, какъ Поэтъ отважный, вдвое
Сурьёзнѣй дѣло пояснить.
И такъ, принявши тонъ сурьёзной,
Скажу вамъ такъ: когда изъ Грозной
Пошли мы грѣшные въ походъ,
То и не думали, не знали
Куда судьба насъ заведетъ.
Иные съ клятвой утверждали,
Что мы идемъ на смертный бой
Въ Аулъ Чеченскій, не мирной;
Другіе, въ пятеро умнѣе

И на сужденье нескромнье,
Шептали всѣмъ, понизя тонъ,
Что нашъ второй баталіонъ
Былъ за Андреевской нещадно
Толпою Горцевъ окруженъ.
Всѣ пѣли складно, да не ладно,
Одинъ походъ могъ доказать,
Какъ хорошо умѣютъ врать.
Замѣчу здѣсь: всѣ Офицеры
Конечно знали напередъ
Вѣрнѣе, нежель мушкапперы,
Куда судьба ихъ заведетъ;
Но знали такъ, какъ думать должно,
Не для другихъ, а для себя,
И такъ, разсказовъ не любя,
Хранили тайну осторожно.
Теперь къ *Внезапной* подходя
Засуетились всѣ безбожно:
»Да гдѣжъ, второй нашъ баталіонъ?
Вѣдь говорятъ въ осадѣ онъ.«
— Э, вздоръ! налгали объ осадѣ,
Онъ здѣсь съ Бутырцами стоитъ;
Смотрите, ежели въ парадѣ,
Онъ насъ принять не поспѣшитъ. —

»Да, если здѣсь, то вѣрно выдешъ. «
Идешъ нашъ первый баталіонъ —
И что же? мѣсто только видитъ,
Гдѣ былъ второй.. »Да гдѣ же онъ? «
Одинъ другаго вопрошаетъ;
А шопотъ въ отвѣтъ ему: Богъ знаетъ! —
Межъ тѣмъ и спать уже пора.
Какъ разъ разкинули полатки
И разрѣшеніе загадки
Всѣ отложили до утра.

ГЛАВА IV.

Вали безсмѣнный Дагестана (*)
И Русской службы Генералъ
Въ Таркахъ, безъ трона и дивана,
Сидѣлъ владѣтельный Шамхалъ.
Ему подвласные Могоги (**),
Въ папахахъ съ трубками въ рукахъ,
Сложивъ крестомъ смиренно ноги,
Сидѣли также на коврахъ.
Какъ одурѣлые Французы
Отъ Русской пули и штыковъ,
Они внутри своихъ лѣсовъ
Покойно сѣяли арбузы,

—

(*) Одинъ изъ титуловъ Шамхала.

(**) Персидская Шапка

Пшеницу, просо и Саманъ (*).
Въ душѣ, быпь можетъ, Персіянъ
И Турокъ намъ предпочитали,
Но между тѣмъ . . . . . .
Безъ отговорокъ и запѣй,
Уставы наши принимали,
Склонясь покорною главой
Передъ Десницей громовой.
Враги порядка и покоя,
Они, подъ часъ отъ злобы воя,
Точили шашки на кремняхъ;
Но грохотъ пушки на горахъ,
Во слѣдъ словесныхъ увѣщаній,
Всегда и быстро укращалъ
Тревоги буйственныхъ собраній
И миръ въ Аулахъ водворялъ.
Такъ ихъ смирялъ Ермоловъ славный,
Такъ на равнинахъ Эрпели
Они позоръ свой погребли,
Вступивши съ Грабѣ въ бой неровный.
Съ тѣхъ поръ устроенной толпой,
Смиряя пылъ мятежной страсти,

(*) Персидскій табакъ.

Они, подъ кровомъ Русской власти,
Узнали счастье и покой.
Послѣдній лучь надежды шёмной
Бросалъ въ разбойничій Аулъ
Глава Востока — Испамбулъ.
Но, сокрушивъ кумиръ огромной
И льва Таврическаго связавъ,
Съ береговъ Аракса до Кубани
Могущій Россъ, питомецъ брани,
Лишилъ злодѣевъ тщетныхъ правъ.
Закоренѣлые невѣжды,
Отъ черныхъ горъ до снѣговыхъ,
Съ потерей слабой ихъ надежды
Вписались всѣ въ число мирныхъ.
Какой нибудь Самсонъ презрѣнной
Или преступный Каплуновъ, (*)
Спасаясь казни заслуженной,
Тревожитъ миръ ночныхъ воровъ
И пошлинными спязями
Съ мирными, добрыми друзьями
Изъ горъ являются въ расплохъ

(*) Бѣглые Русскіе солдаты, проживающіе у Горскихъ разбойниковъ, извѣстные своею отважностію и ненавистію къ соотечественникамъ. —

Передъ стадами земляковъ.
Но правосудный мечь въ размахѣ
Виситъ на нити роковой
И раноль, поздноль, головой
Въ оцѣпенѣніи и страхѣ,
Злодѣи дань позорной плахѣ
Заплатятъ жалкой чередой.
И шакъ Кавказскіе герои
Въ косматыхъ шапкахъ и плащахъ,
Оспавя не хотя въ горахъ
Набѣги, кражи и разбои,
Свою насильственную лѣнь
Трудомъ домашнимъ замѣнили,
И кукурузу и ячмень
Съ успѣхомъ чуднымъ разводили.
Какъ вдругъ — въ одинъ погодный день
На зло внезапное и горе
Изъ моря, или изъ за моря,
О томъ безмолвствуетъ молва,
У нихъ явился гость опрѣнный,
Какой-то Геній изступленный,
Пророкъ и попъ *Казы Мулла.*
Какъ мужъ, низпосланный отъ Бога
Для наставленья Мусульманъ,

Нося открытый Алкоранъ,
Онъ вопіялъ сначала строго
На тьмы пороковъ и грѣховъ
Своихъ почтенныхъ земляковъ.
Стращалъ ихъ пагубною бритвой,
Которой къ раю на пути,
Запасшись доброю молитвой,
Должны ихъ души перейти
Иль, отягченныя грѣхами,
Упасть на огненное дно,
Гдѣ нечестивымъ суждено
Жить въ вѣчной каторгѣ съ чертями.
»О, горе намъ, Алла, Алла!
Черкесы вторятъ съ умиленьемъ,
Великъ и правъ святой Мулла
Съ ужасной бритвой и мученьемъ!«
А онъ, усами шевеля,
Какъ голова на сходѣ шумномъ
И знакомъ вопли прекратя,
Вѣщалъ въ пророчествѣ безумномъ:
»Откройте сонные глаза,
Развѣсти уши, всѣ народы!
Грядутъ со мною чудеса
И воскресенie свободы!

Определѣнія судьбы
Готовятъ вамъ иную долю:
Исчезнетъ Русь, конецъ борьбы —
Вы возвратили вашу волю!
Живъ Богъ; а я Его Пророкъ!
Его уста во мнѣ вѣщаютъ,
Въ моей десницѣ пребываютъ
И жизнь, и смерть, и самый рокъ!
Какъ дождь нежданый и обильной
Мы ополчимся на враговъ,
Прогонимъ ихъ рукою сильной
Съ Анапскихъ пашень и луговъ,
Съ холмовъ роскошныхъ Дагестана
И ненавистнаго Тирана
Свободныхъ горъ, безъ оборонъ
Обратно вышѣснимъ за Донъ!
О, вѣрьте, крѣпости, станицы
И селы Русскихъ — прахъ и плѣнъ,
Ихъ дѣти, жёны и дѣвицы
Узнаютъ гибель, месть и плѣнъ!
И населятъ лѣса и степи,
У насъ отнятые войной
И только съ смертію земной
Спадутъ съ нихъ тягостныя цѣпи! «

И раздались и вопль и стонъ:
»Исчезни Руссь — ступай за Донъ!«
Смутились буйственныя горы,
Въ мятежныхъ сонмахъ, въ тишинѣ
Вездѣ идутъ переговоры
Объ удивительной войнѣ.
Вездѣ Мулла благовѣствуетъ;
Онъ имъ посланникъ отъ небесъ;
Нигдѣ ни шагу безъ чудесъ:
Тамъ — онъ покойно маршируетъ,
Босой, всѣ видятъ, по рѣкѣ;
Тамъ — улетаетъ на легкѣ
Къ седьмому небу изъ Аула;
Тамъ — обращаетъ кошку въ Мулла;
А здѣсь — забавной чередой
Перемѣняетъ видъ природной
И передъ вами, какъ угодно,
Безъ бороды — и съ бородой!
Въ одинъ и тотъ же мигъ нежданной
Изволитъ быть въ пяти мѣстахъ, (*)

—

(*) Ничего вымышленнаго: вѣрный отголосокъ молвы Горцевъ о чудесахъ новоявленнаго пророка.

Короче: попъ довольно спрашной,
Хошябъ и въ Русскихъ деревнахъ!
Что дѣлать? шутка не до смѣха!
Пошла ужасная потѣха:
Черкесъ мирной и немирной —
Всѣ бредятъ мыслію одной:
Скорѣй исполнить предсказанье,
Законъ докучный истребить
И Руссь святую, на изгнанье
За Донъ широкій осудить.
Иные, кое гдѣ отъ скуки,
Уже сбирались по ночамъ;
Но имъ, какъ дерзкимъ шалунамъ,
Веревкой связывали руки;
Другіе, нѣсколько умнѣй,
Съ мирскаго общаго совѣта
Держались неутралитета
И ожидали лучшихъ дней.
Но больше всѣхъ, какъ Якобинцы,
Взбѣсились жители земли
Подъ управленіемъ Вали —
Неугомонные Тавлинцы,
За ними вслѣдъ Койсубулинцы.
Шамхалъ, заботливый старикъ,

Кричалъ о казни громогласно,
Но безпокоился напрасно,
И бунтъ торжественно возникъ.
Читатель, ежели ты съ рода,
Хотя двѣ книги прочиталъ,
То непремѣнно угадалъ
Причину нашего похода.
Что будетъ далѣе, прошу
Меня не спрашивать заранѣ:
Ты не оспанешься въ обманѣ,
Я всё подробно опишу.

ГЛАВА V.

Когда, по высшему велѣнью,
Уничтожались иногда
Съ лица земнаго города;
То мудреноль землетрясенью,
Хочу я Физиковъ спросить,
Аулъ Кумыковъ навѣстить?
Разрушить двѣ иль три мечети,
Въ которыхъ набожно съ Муллой
Молились дѣвы, старцы, дѣти
Передъ невидимымъ Аллой.
И вдругъ съ глухимъ подземнымъ гуломъ,
Подъ грудой камней и столповъ,
Прешли въ обители отцовъ?
Вотъ былъ съ Андреевскимъ Ауломъ:
Шесть сутокъ громъ по временамъ
Изъ тьмы кромешной, по горамъ
Носился тихо и протяжно,

Потомъ, рѣшительно и важно
Во всѣхъ мѣстахъ загрохоталъ,
Дома и сакли размешалъ,
Изпортилъ въ крѣпости строенья,
Казармы, стѣны, укрѣпленья
И.... очень скромно замолчалъ!
Сего печальнаго явленья
Мы не застали; но слѣдамъ
Еще живаго разрушенья
Дивились съ горестію мы.
Всё было дико и уныло,
Всё душу странника въ тоску
И грусть нѣмую приводило.
Громады камней и песку
Колонъ разбитыхъ, пирамиды,
Степные, пасмурные виды,
Туманъ волнистый надъ горой,
Кустарникъ голый, и порой,
Какъ будто мертвое молчанье....
Два дня томилось ожиданье:
Когда-жъ идти на явной бой,
Алкая смерти благородной?
Раздался снова шумъ походной —
И полкъ дружиной боевой

Идешь дорогою степной.
Всё тѣ же холмы, горы, рѣки,
Всё тѣ же вѣшры и жары
Сырые, вредные пары
И кукурузныя чуреки; (*)
Всё тѣ же змѣи по полямъ,
Вода съ землею пополамъ,
Кизиль не спѣлой, розанъ дикой,
Черешня съ лукомъ и клубникой,
Чеснокъ, корешья всѣхъ родовъ
И сыръ изъ козьихъ шкуроговъ.
Идутъ.... Сѣдая пыль столпами
Летитъ во слѣдъ за Козаками;
Мирные всадники толпой
Покойно ѣдутъ спороной;
Мѣшаясь съ ними Офицеры
Заводятъ рѣчи на словахъ
И пантомимой о коняхъ,
Кинжалахъ, шашкахъ; Канонеры
За пушевымъ экипажемъ

(*) Чуреки. — Горцы вообще не имѣютъ хлѣба а замѣняютъ его Гурскими — лѣпешками, печеными въ золѣ изъ просы, пшена или Кукурузы.

Идутъ съ зажжёнымъ фитилёмъ ;
Джигиты бѣшеныя скачутъ;
Трещатъ колёсы по кремнямъ ;
Арбы немазанныя плачутъ ;
Вездѣ и крикъ, и шумъ , и гамъ.
Тамъ — съ крутизны несётся фура ;
Тамъ — между узкихъ дефилей ,
Впрягаютъ новыхъ лошадей.
Но вотъ Аулъ Темира Мура
Мелькнулъ за рѣчкою въ дали ;
Вотъ, ближе, ближе . . . . Передъ нами . . . .
Прошли . . . привалъ! . . и за стѣнами
На отдыхъ воины легли.
Вода кипитъ , огонь пылаетъ ;
Быки въ котлахъ , готовъ обѣдъ ;
Здоровы всѣ, усталыхъ нѣтъ !
Вдругъ шумъ внезапный прерываетъ
Воинскій , добрый аппетитъ.
Глядимъ . . . . Какой чудесный видъ ?
Изъ за горы необозримой ,
Необозримою толпой
Покорной , тихою стопой
Идётъ народъ непокоримой.
Потупя взоры , въ тишинѣ ,

Какъ очарованы во снѣ
Пипомцы яростные брани!
Обезоружены ихъ длани,
Ни писполетъ, ни ятаганъ
Не красятъ пышнаго наряда!
Вся ихъ надежда, вся ограда
Передъ начальникомъ отряда
Ихъ предводитель — Сулеманъ.
Печаленъ, блѣденъ сынъ Шамхала,
Склоня колѣна и главу,
Почтилъ безмолвно Генерала.
Ковёръ разкинутъ на праву
И, можетъ быть, въ виду народа
За краткимъ отдыхомъ похода,
Судьба пришельцовъ рѣшена!
Пашѣ бумага подана . . . .
Онъ пишетъ . . кончилъ. Съ уваженьемъ
Вторично голову склоня,
Садится съ ловкимъ небреженьемъ
На подведеннаго коня.
Народъ, князья, всѣ равнымъ кругомъ
Его обстали . . . на коней
Взлетаютъ всѣ . . . . Быстрѣй, быстрѣй
Обратно скачутъ другъ за другомъ : :

И, то являясь на горѣ,
То исчезая за горою,
Какъ свѣтъ на утренней зарѣ
Въ борьбѣ съ туманной пеленою,
Иль при волшебномъ фонарѣ
Рои Китайскихъ, легкихъ тѣней,
Они сокрылись... Для чего,
Откуда, какъ и отъ чего?
Не предложу моихъ сужденій,
Не объясню вамъ ничего
За тѣмъ, что знаю очень мало,
Что знаю мало не скажу,
А лучше мѣсто покажу,
Гдѣ всякой тайны покрывало
Всегда прозрачно и свѣтло,
Какъ изумрудъ или стекло.
Вотъ это мѣсто дорогое,
Оно, на кухнѣ у котловъ,
Тамъ всё премудрое земное;
Тамъ ежедневно отъ головъ
Веселыхъ, добрыхъ, беззаботныхъ
И завсегда словоохотныхъ, . . .
Легко вы можете узнать . .
Такія вещи, въ бѣломъ свѣтѣ

О конхъ, даже въ Кабинетѣ,
Не часто смѣютъ разсуждать.
Тамъ всё подробно вамъ докажутъ,
А въ заключеніе того
Съ божбой анаѳемскою скажутъ,
Что этотъ слухъ отъ самаго
Кузьмы Савельича Скотова.
»Коль скоро шакъ, тогда ни слова,
Всѣ закричатъ, розиня ротъ,
»Кузьма Савельичъ не соврётъ.
А кто онъ? спросите вы къ стати,
Да, Генеральской человѣкъ,
Уже-ли онъ вамъ не въ домёкъ?
Таковъ обычай Русской рати.
Прошу пожаловать за мной
Къ конямъ... поближе... шакъ... са-
дитесь...
Вотъ ложка вамъ, перекреститесь,
Бульонъ здоровой и мясной....
Чу!... о Таблицахъ разговоры!

Кашеваръ 1-й.

Да, да, естественные воры!
Коль нашихъ нѣтъ, шакъ берегись,

Башку сорвутъ, какъ звѣри злые,
Отрядомъ только покажись —
И всѣ пріятели мирные.

Кашеваръ 2-й.

Весь въ красномъ, сколько серебра
На широварахъ и бешметѣ

Кашеваръ 1-й.

Какъ не имѣть ему добра,
Порѣзавъ пасъ, на бѣломъ свѣтѣ?

Мушкатеръ, (разкуривая трубку).

Сперва словами улещалъ,
Что бунтоваться ужь не станетъ,
А послѣ кляпву написалъ.

Голосовъ 10-ть.

Не бось! Московскихъ не обманетъ!..

Кашеваръ 1-й.

Я, говоритъ онъ, воевать
Съ Царемъ Россійскимъ не намѣренъ,
А чтобъ онъ былъ во мнѣ увѣренъ,
Готовъ ему присягу дать
И серебра и много злата.
А есть въ горахъ у насъ два брата,

Которыхъ шрусишъ весь Кавказъ —
Они воюютъ противъ васъ.

Кашеваръ 2-й (изъ за котла).

Уймемъ не эшакихъ нахаловъ.

Кашеваръ 1-й.

А я, дискать, Мирза Шамхаловъ,
Вашъ вѣчный данникъ и слуга!

Мушкатеръ.

Забудишъ гнѣвашься... Ага!..
А сколько верстъ еще до мѣста?

Кашеваръ 1-й.

Да что? — съ хорошаго присѣста
Часы въ четыре мы дойдемъ.

Кашеваръ 2-й.

И всѣхъ ихъ завтра перебьемъ!
Да, еслибъ что нибудь подъ руку
Случилось братцы мнѣ поймать,
Ужь то-то бъ сталъ я разгонять
На кухнѣ тягостную муку,
Всегдабъ былъ на веселѣ пьянъ!

Кашеваръ 1-й.

Гей, вы, вставайте, барабанъ!

Котлы, котлы! какъ сходны вы
Съ столами свѣтскихъ Сибаритовъ,
Гдѣ пресыщаются умы
За недостаткомъ аппетитовъ
Болтаньемъ сплетницы молвы!
А вы', одушевные Бары,
Среди поклонниковъ своихъ —
Желудковъ, тощихъ и пустыхъ,
Вы въ полномъ смыслѣ, Кашевары!

ГЛАВА IV.

Вотъ, наконецъ мы и пришли
Подъ знаменитый Эрпели!
Въ пяти частяхъ моихъ записокъ,
Представя вкратцѣ весь походъ,
Я долженъ здѣсь, какъ Валиеръ Скоттъ
Или Байронъ, представить списокъ
Съ живыхъ, разительныхъ картинъ
Вамъ, мой любезный господинъ,
Или вамъ, почтеннѣйшая дама,
(Которымъ вмѣсто порошковъ,
Смекнула ласковая мама,
Поднесть тетрадь моихъ спиковъ)
Рецептъ дѣйствительный, не спорю,
Но, къ моему большому горю,
Я долженъ правду вамъ сказать,
Что не умѣю рисовать.

Учился прежде у Визара
Чернить контуры рукъ и ногъ,
Но смѣлой живописи дара
Понять, какъ І. . . ля урокъ
Подобно У. . . ну, не могъ.
Простите жь мнѣ мое незнанье —
Ему въ замѣну есть спаранье;
Мой безъискусственный карандашъ
Такъ точно вѣренъ безъ повѣрки,
Какъ на устахъ у лицемѣрки
Всегда готовый Отче нашъ.
Картина первая: на ровномъ
Пространствѣ плоской земли
Стоитъ въ величіи огромномъ
Аулъ Таврическовъ. — Эрпели.
Обломки скалъ и горъ кремнистыхъ
Его фундаментъ вѣковой!
Аллеи тополей шпицистыхъ —
Краса громады строевой!
Вездѣ — блуждающіе взоры
Встрѣчаютъ сакли и заборы,
Плетни и валы; каждой домъ —
Бойница съ насыпью и рвомъ;
Надъ разорвавшейся рѣкою,

Бѣгущей съ горной высоты,
Искусства чуднаго рукою
Вездѣ устроены мосты;
Водовороты, переходы,
Каскады, мѣльницы, отводы —
Все дышетъ рѣзкой наготой
Природы дикой и простой!
Въ аулѣ шумъ и конскій топотъ,
Молчанье жёнъ и дѣтской хохотъ;
На кровляхъ, въ окнахъ, у воротъ
Кипящій, вѣчреный народъ
Богато убранный, одѣтый,
Какъ Кизельбаши Персіянъ;
Тамъ — Атаманскій ятаганъ;
Тамъ ружья, сабли, пистолеты
Блестятъ, сверкаютъ серебромъ
Въ своемъ парадѣ боевомъ;
Здѣсь — коней странные приборы:
Луки, уздечки, стремена;
Бородъ разкрашенныхъ узоры,
Куски матерій, полотна,
Едва скрывающіе плечи
Сѣдыхъ, запачканыхъ старухъ,
И лай собакъ на Русской духъ,

И крикъ, и визгъ, и сѣчи всплѣски,
И говоръ волнъ, и вѣтра гулъ!
Вотъ скопированный аулъ!
Идемъ — я видъ другой картины:
Среди возвышенной равнины,
Загроможденной съ двухъ сторонъ
Пирамидальными горами,
Объявшихъ гордыми главами
Съ начала міра небосклонъ,
Разбиты бѣлыя палатки . . .
Быть можетъ прежнія догадки
Теперь рѣшились: это онъ
Второй, нашъ добрый баталіонъ!
Такъ, онъ свободный, незапертый,
Какъ утверждали мы сперва;
Но вотъ еще здѣсь лагерь! . . . два! . . .
И три! . . Нашъ будетъ ужь четвертый . . .
Идетъ все далѣе отрядъ . . .
Вотъ — эполеты забѣлѣли.

. . . . . .

Межъ нѣмъ особу Генерала
Два сына спараго Шамхала,
Со свитой пышною Князей
И благородныхъ узденей,

Съ благоговѣньемъ окружали
И на челѣ его читали
И миръ и грозный приговоръ —
Великой правды договоръ.
Поборникъ древней Русской славы,
Какъ полководецъ величавый,
Онъ привлекалъ къ себѣ сердца,
Въ нёмъ зрѣли съ чувствомъ удивленья
Два неразрывныя стремленья:
И властелина и отца.
Что мыслилъ онъ? что отражалось
Во глубинѣ его души? . . . .
Не смѣемъ знать . . . намъ оставалось
Молить Всевышняго въ тиши;
О чемъ молишь: другая тайна —
Её постигнуть можетъ тотъ,
Кто духомъ вѣщій Патріотъ,
Для злыхъ она необычайна.

О Эрпели, о Эрпели!
И ты урокомъ для земли!
И ты быть можетъ для Поэта
Въ другіе дни, въ другія лѣта

Послужишь пищею живой!
Ты воскресишь воспоминанье
О бурях сердца, о страданьях
Души волнуемой тоской
Подъ игомъ страсти роковой!
Быть можетъ, ежели Холера
Меня въ червя не обратитъ,
Походный грифель мушкатера
Въ карманной книжкѣ сохранитъ
Твои лѣса, ручьи и горы,
И друга искренняго взоры
Прельстятся съ правнукомъ моимъ
Изображеніемъ твоимъ.
Я разскажу имъ въ часъ досужный
Объ Эрпелійской красотѣ
И эпизодъ довольно нужной
Не пропущу о Баранчѣ,
Кафирѣ Кумыкѣ, Казанищахъ,
Гдѣ былъ впорой нашъ батальонъ
И о любезнѣйшихъ дружищахъ,
Которымъ всё повѣдалъ онъ,
Подъ сѣнью мирныхъ балагановъ,
Плѣненье горскихъ пастуховъ
Со многимъ множествомъ барановъ.

. . . . . .

Тьмы разныхъ случаевъ, тревогъ
И приключенія въ дорогѣ . . . .
Всѣ эти пѣсни хороши,
Но вотъ, что въ голову мнѣ входитъ:
Подъ часъ за разумъ умъ заходитъ,
А я теперь хочь не пиши,
Занялься вздумалъ я мечтою
Нелѣпой, странной и пустою
О счастьи будущихъ временъ,
А настоящія оставилъ
Тогда, какъ первый батальонъ
Еще полапокъ не поставилъ.
И шакъ, моя галиматья,
Adieu, до будущаго дня!

ГЛАВА VII.

Не зная изстари властей,
Повиновенья и Князей —
Вина мятежныхъ покушеній,
Бунтовъ и общаго вреда —
Въ кругу Шамхаловыхъ владѣній
Гнѣздилась дикая Орда.
На днѣ вершеновъ неприступныхъ,
Таясь какъ новый сашана,
Тапшь не думала она
Надеждъ и замысловъ преступныхъ.
Взирала гордо на позоръ
Бунтовщиковъ окружныхъ горъ,
Смиренныхъ вдругъ единымъ словомъ,
И, ненавидя миръ и дань,
Въ ожесточеніи суровомъ
Она готовилась на брань.

Ни жребій явный и стребленья,
Ни мѣры кроткія главы
Побѣдныхъ войскъ и ополченья
Въ виду защитной ихъ горы,
Ни увѣщанія Тавлинцовъ
. . . . . .
Не укратили роковой,
Отважной бунтъ Кайсубулинцовъ.
Съ вершинъ утесовъ на отрядъ
Они смѣются беззаботно,
Готовятъ пули и охотно
Кинжалы длинные острятъ.
Ни путь широкой, ни тропины
На ихъ высокія стремнины
Стопы пришельцовъ не ведутъ.
Предъ любопытными очами
Стоитъ съ гранитными стѣнами
Природной крѣпости редутъ
Не досягаемый, огромной
Въ хаосѣ пропасти бездонной;
Какъ тартаръ буйной и живой
Кипятъ свободные аулы
Кто видѣлъ лёгкія черты
Съ картины адской суеты

Въ заводахъ Брянска или Тулы,
Гдѣ не умолкной чередой
Гудятъ и стонутъ надъ водой
Желѣзо, мѣдь, чугунъ и камень;
Гдѣ угли, искры, жаръ и пламень
Блестятъ, сверкаютъ и шумятъ;
Гдѣ гвозди, молоты, машины
И рукъ искусственныхъ пружины
Въ насильномъ дѣйствіи звучатъ,
И поражаютъ удивленьемъ
И свѣжій слухъ и свѣжій взоръ, —
Того незначущимъ сравненьемъ
Знакомлю съ видомъ этихъ горъ.
Дыша слѣпымъ ожесточеньемъ
Тамъ всё кипитъ вооруженьемъ:
Какъ муравьиные рои
Мелькаютъ всадники и кони;
Куютъ Джелоны, обруи, брони,
Чеканятъ ружья, лядвіи.
Вездѣ разъѣзды, шумъ и топотъ;
Въ глухой долѣ отзывной грохотъ;
Огни, пальба, воинскій крикъ.
И въ копьяхъ груди и Русской шишакъ.
Они не знаютъ нашей встрѣчи;

Имъ незнакомъ открытый бой,
Питомцы наглыхъ битвъ и сѣчи,
Они не зрѣли надъ собой
Свистящихъ ядеръ и картечи.
Но рати сѣверной приходъ
Дастъ брани новый оборотъ!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . Въ осьми верстахъ
Отъ гордой вражьей Цитадели,
Среди равнины на холмахъ
Шатры отряда забѣлѣли.
Здѣсь видимъ дружные полки
Съ бретовъ Москвы благословенной;
А тамъ — гранёные штыки
Пѣхоты Русской отдаленной
Изъ заграничныхъ городовъ,
Всегда готовые на зовъ
Царя, начальниковъ и чести;
Тамъ — гибель вѣрная враговъ,
Алкая крови, бѣдъ и мести,
Спокоенъ вашего козаковъ;
А тамъ — за лагеремъ походнымъ
Ибрагимъ Бекъ и Ахметъ Ханъ,

Князья отъ крови Мусульманъ,
Пылая рвеньемъ благороднымъ,
Изъ разныхъ странъ подъ Эрпели
Свои дружины привели.
У нихъ Кумыки и Тавлинцы
Съ свинцомъ и сталью на коняхъ,
И съ ятаганами въ бояхъ
Пѣхота Горцевъ — Михтулинцы.
У водъ холоднаго ручья
Аулъ летучій ихъ мятётся,
И знамя розовое вьётся
Надъ бѣлой ставною вождя.
Всѣ ждутъ рѣшительной осады,
Всѣ ждутъ и смерти и награды!
И вотъ — на утренней зарѣ
Отрядомъ легкимъ ботальоны
Съ весельемъ двинулись къ горѣ!
Пути не видно . . . нѣтъ препоны!
Война и слава не безъ слугъ:
Съ подошвы горной сотни рукъ
Взрываютъ новую дорогу!
Идутъ и роютъ . . . . Впереди
Зіяютъ пушки роковыя,
Внутри рядовъ и позади

Кинжалы, ружья боевыя
И безпардонные штыки!
Вотъ пуля свищетъ, вотъ другая!
Идутъ! . . . Вотъ залпъ изъ за кремней
Раздался сверху пролетая!
Идутъ, работаютъ смѣлѣй! . . .
Ужь высоко! Туманъ нагорный
Густѣетъ, скрылъ средину горъ;
Темнѣетъ день, слабѣетъ взоръ, —
Идутъ отважно и упорно.
Внезапной холодъ, вѣтеръ, дождь
Приводятъ въ трепетъ нестерпимой, —
Идутъ стѣной неотразимой!
Среди ихъ другъ и бодрой вождь!
Вотъ солнце ярками лучами
Блеснуло вновь. Туманъ исчезъ . . .
Они вверху — и предъ глазами,
Съ огромною массою небесъ,
Какъ въ неразрывной, длинной цѣпи,
Слились, казалось, горы, степи,
Холмы, долины. Цѣлый миръ
Представилъ чувствамъ дивный пиръ . . . .
Безмолвно воины взираютъ
На точку свѣтлую земли;

Едва замѣтные, мелькаютъ
Подъ ними станъ и Эрмели!
Въ дали, подъ крѣпостью *Бурной*,
Синѣетъ моря блескъ лазурный,
Ландшафтъ несвязной дальныхъ странъ,
И вкругъ воздушный океанъ!
Поражены недоумѣньемъ,
Они бросаютъ мутный взоръ
Во глубину ужасныхъ горъ;
Глядятъ... и съ радостнымъ движеньемъ
Опѣ поразительныхъ картинъ
Опрядъ опхлынулъ онѣ стремнинъ!
Тамъ — свѣта новаго пространства
Миѳологическое Царство
Подземныхъ тѣней и духовъ;
Тамъ — Елисейскія долины,
О коихъ изстари вѣковъ
Не знаютъ Русскія дружины,
Цвѣтутъ средь рощей и дубровъ;
Тамъ — по гранитамъ зеленѣли
Кедровникъ, пихта, ольха, ели;
Тамъ, роя камни и песокъ,
Сулакъ, какъ мѣлкой ручеёкъ
Бѣжалъ извилистой струёю;

А тамъ — огромной полосою
Вдали тянулись надъ водой
Скалы безбрежною грядой;
И тридцать шесть ауловъ бранныхъ,
Покрытыхъ мрачной тишиной,
Какъ сонмы демоновъ изгнанныхъ,
Въ тѣни чернѣли разсыпной.
Глаза, очки, лорнеты, трубы,
Носы, фуражки, уши, губы,
Все устремилось съ высоты
Въ страну ужасной красоты.
Глядѣли, думали, дивились,
Кричали, охали, крестились
И, изумленные, сошли
Съ полнеба къ жителямъ земли.
Насилу кончилъ! слава Богу!
Усталъ! позвольте замолчать,
Прорывъ на первый разъ дорогу,
Поэму буду продолжать.
Всего мучительнѣй на свѣтѣ
Сурьёзной выдержать разсказъ,
А я, имѣйте на примѣтѣ,
Перо туплю не на заказъ,
Безъ подлой лести и прикрасъ

Не знаю строгая Цензура
Меня осудитъ или нѣтъ;
Но всё равно — я не Поэтъ,
А лишь его карикатура.

ГЛАВА VIII.

»Ну, ну, разскащикъ нашъ забавной,
Твердишь мнѣ десять голосовъ,
Повѣдай намъ о битвѣ славной
Твоихъ героевъ и враговъ!
Какъ ваше дѣло, подъ горою?«
—Готовъ! Согласенъ я, пора!
И шакъ торжественно со мною
Кричите милые: Ура!
»Ба! и сраженье и побѣда,
Какъ послѣ сытнаго обѣда,
Десертъ и кофе у друзей!
Такъ скоро?« Ровно въ десять дней
Покорность, миръ и Аманаты
И снова въ Грозную походъ!
»Какой рѣшительный рацеинъ,
Какіе Русскіе солдаты!

Но какъ, и что; и почему? «
Вотъ объясненіе всему:
Койсубулинская гордыня
Гремѣла дерзко по горамъ,
Когдажъ доступна стала намъ
Ихъ недоступная твердыня
Посредствомъ пушекъ и дорогъ,
(Чего всегда избави Богъ)
Когда злодѣи ежедневно,
Какъ стаи лютыя волковъ,
На насъ смотрѣли очень гнѣвно
Изъ за утесовъ и кустовъ;
А мы, безтрепетною стражей,
Межъ тѣмъ работы берегли
И, приучаясь къ пули вражьей,
По малу вверхъ покойно шли,
И скоро блоки и машины
Готовы были навѣстить
Ихъ безобразныя вершины,
Чтобъ бомбой пропасть освѣтить;
Тогда военную кичливость
У нихъ разсудокъ усмирилъ,
И непробудную сонливость
Безсонный ужасъ замѣнилъ.

Сначала бодрые Дикари,
Алкая спичекъ и борьбы;
Они для варварской пальбы
Изъ подъ разбойничей защиты
Пригоняли по ночамъ
Племя съ землею попалямъ,
Деревъ огромные обломки,
И, давши залпъ отнуда громкій,
Смѣялись нагло Руссамъ,
Спрашали издали ножачи
Съ привѣтомъ: Яуръ и Яманъ
И исчезали какъ шуманъ
За неизвѣстными холмами;
Но послѣ, видя жалкій бредъ
Въ своемъ безсмысленномъ расчетѣ,
Они отъ лишнихъ золъ и бѣдъ
Всѣ были въ щекотливой заботѣ.
Едва зари вечерней пѣнь
Прогонитъ съ горъ веселый день
И ляжетъ сумракъ надъ поляны —
Ни кѣмъ незримыми полками,
Въ ночномъ безмолвіи они
Разводятъ яркіе огни;
Сидятъ уныло надъ скалами

И озаривъ Русской станъ,
Которой грозной, величавый
И озаренъ лупой кровавой,
Лежитъ, какъ бѣлый великанъ.
Съ разсѣяньемъ дня опять въ движеньи
Неугомонная орда:
Отрядовъ смѣнныхъ суета
И новыхъ пушекъ появленье
Своей обычной чередой —
Все угрожаетъ имъ бадой,
Неотразимою осадой!
Невольный страхъ сковалъ умы
Дѣтей отчаянья и тьмы
За нихъ надежною оградой...
И близокъ часъ! готовъ ударъ!
Кипитъ въ солдатахъ бранный жаръ!
Полки волнуются, какъ море!
Послѣдній день... и горе горе!
Но вотъ — внезапно мирный флагъ
Мелькнулъ среди ущелій горныхъ,
Вотъ ближе къ намъ — и гордый врагъ,
Съ смиреньемъ данниковъ покорныхъ,
Идетъ разсѣять Русской громъ,
Прося съ потупленнымъ челомъ

Статей пощады договорныхъ! . . .
Статьи готовы . . . скрѣплены . .
Народовъ дикихъ старшины
Рѣшаютъ участь поколѣній!
Возходитъ свѣтлая заря!
Въ парадѣ ратныя дружины!
Койсубулинскія стремнины
Подъ властью Русскаго Царя!
Присяга новаго владѣнья!
И взорамъ тысячей предсталъ
Побѣдоносный Генералъ
Безъ битвъ и крови ополченья!
Цвѣтутъ равнины Эрпели!
Покой и миръ въ аулахъ бранныхъ!
Не видятъ болѣе они
Штыковъ отряда троегранныхъ!
Въ своихъ утесахъ вѣковыхъ,
Не слышатъ пушекъ вѣстовыхъ!
Громада зыбкая тумана,
Молчанье, сонъ и пустота
Объемлютъ дикія мѣста
На долго памятнаго стана!
И станъ подъ грозною стоитъ!
Но дума, дума о прошедшемъ

Не волью сердце шевелить,
Въ бреду Поэта сумасшедшемъ
Я дни минувшіе ловлю
И, угрожаемый Холерой,
Себя мечтательною вѣрой
Питаю о будущемъ люблю!
Поклонникъ Музъ самолюбивый,
Я вижу смерть не вдалекѣ,
Но всё перо въ моей рукѣ
Рисуетъ планъ свой прихотливый:
Сойдя къ отцамъ во слѣдъ другихъ,
Оспаться въ памяти иныхъ!
Быть можетъ завтра или нынѣ,
Не изпытая вражьихъ пуль,
Меня въ мучной уложатъ куль
И предадутъ земной пустынѣ!..
Въ глухой, далекой сторонѣ
Отъ милыхъ сердцу я увяну....
. . . . . .
. . . . . .
Увидя мой покровъ рогожной
Никто ни истинно, ни ложно,
Не пожалѣетъ обо мнѣ
Возьмутъ, кому угодно будетъ,

Мои чевеки и бешметъ
(Весь мой багажъ и туалетъ)
И всякой важно позабудетъ,
Кто былъ ихъ прежній господинъ!
А понихиды, сарачинъ,
Кутьи и прочихъ поминаній
Хоть и не жди!... Вотъ, мой удѣлъ!
Его, безъ дальнихъ предсказаній,
Я очень ясно усмотрѣлъ!
Что жъ будетъ памятью Поэта?
Мундиръ... не можетъ быть! Грѣхи...
Они оброкъ другаго свѣта...
Стихи, друзья мои, стихи!
Найдутъ въ углу моей палатки
Мои несчастныя тетрадки,
Клочки, четвертки и листы,
Души тоскующей плоды
И первой юности проказы,
Сперва, какъ должно отъ заразы,
Ихъ осторожно окурятъ,
Прочтутъ строкъ десять въ тихомолку
И по обычаю на полку
Къ другимъ пищамъ переселятъ.
А вы, надѣжды, упованья

Честолюбиваго созданья;
На зло Холерѣ и судьбѣ
Вы не погибнете съ страдальцемъ:
Увидитъ чтецъ иной подъ пальцемъ
Въ моихъ тетрадкахъ А и П,
Попроситъ ласковыхъ хозяевъ
Значенье литеръ пояснить —
И мнѣль забвеннымъ, мнѣ ли быть?
Ему отвѣтятъ: Полежаевъ!
Прибавятъ, можетъ быть, что онъ
Былъ добрымъ сердцемъ одарёнъ,
Умомъ довольно своенравнымъ,
Страстями, жребіемъ безславнымъ
Укоръ и жалость заслужилъ,
Во цвѣтѣ лѣтъ — безъ жизни жилъ,
Безъ смерти умеръ въ бѣломъ свѣтѣ....
Вотъ память добрыхъ о Поэтѣ!

ЧИРЪ-ЮРТЪ.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, предоставлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Августа 19 дня, 1832 года.

Цензоръ Снегиревъ.

Л. Д.

. . . . . .

. . Среди ежедневныхъ стычекъ и сраженій, при разныхъ мѣстахъ въ Чечнѣ, въ шуму лагеря, подъ кровомъ одинокой палатки, въ 12 и 15 градусовъ мороза, на снѣгу, воспламенялъ я воображеніе свое подвигами прошедшей битвы, достойной примѣчанія въ лѣтописяхъ Кавказа, и въ 11 дней написалъ посылаемый къ тебѣ Чиръ-Юртъ.

А. П. Л.

Крѣпость Грозная,
25 Маія, 1832 года.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Цѣль бытія души высокой,
Удѣлъ и жизнь полубоговъ —
Сіяетъ слава въ тьмѣ вѣковъ,
Въ пучинѣ древности глубокой!
Подобно юной красотѣ
Въ толпѣ соперницъ безобразныхъ,
Подобно солнцу въ высотѣ
Передъ игрой лучей алмазныхъ,
Она блеститъ, она горитъ
Безъ украшеній и убранства
Среди безплоднаго пиранства
Своихъ ничтожныхъ Эвменидъ.

Гдѣ поэтъ, чью душу не волнуетъ
Войны и славы громкій гласъ?
Чье сердце въ тайнѣ не тоскуетъ,
Внимая воина разсказъ
О наслажденьяхъ жизни бранной,
Кровавыхъ сѣчахъ и бояхъ,
О вражьихъ пуляхъ и мечахъ
И смерти всюду имъ попранной?
Кто не спремится, не летитъ
Душой за взоромъ и за словомъ,
Когда усастый инвалидъ
На языкѣ своемъ суровомъ,
Но вѣрномъ, какъ граненый штыкъ,
Съ которымъ къ правдѣ онъ привыкъ,
Передаетъ дѣтямъ иль внукамъ
Любимый ключь къ своимъ наукамъ,
Большую повѣсть прежнихъ лѣтъ?
О, знай, питомецъ Аполлона,
Тамъ, гдѣ витійствуетъ Беллона,
Ничтоженъ Геній и Поэтъ!

Есть много странъ подъ небесами,
Но нѣтъ той счастливой страны,

Гдѣ бъ люди жили не врагами
Безъ права силы и войны!
О, гдѣ не вспрѣшимъ мы способныхъ
Основы блага разрушать?
Но рѣдко, рѣдко намъ подобныхъ
Умѣемъ къ жизни призывать!..

Младые воины Кавказа,
Война и честь знакомы вамъ!
Склоните слухъ къ моимъ словамъ,
Къ словамъ Кавказкаго разсказа!
Я не усастый инвалидъ,
Наслѣдникъ пѣсней Оссіана,
Подъ кровомъ горнаго шумана
Мнѣ дѣва арфы не вручитъ...
Но ропотъ грусти безотрадной,
Пиры кровавые мечей —
Провозгласитъ вамъ славы жадной
Пѣвецъ печали и страстей!
Добыча юности безумной
И жертва пылкая дня,

Я загубилъ уже въ подлунной
Сославъ весенній бытія.
Неукротимый и мятежной
Покоя сладкаго злодѣй,
Я потонулъ въ глуби безбрежной
Съ звѣздой коварною моей!
На полѣ чести, въ буряхъ брани
Мой мечь не выпадетъ изъ длани
Отъ страха робостной души;
Но вѣчной грустью очарованъ
Наединѣ съ собой, въ тиши
Мой умъ бездѣйственъ, духъ окованъ
Цѣпями смерти вѣковой,
Какъ Геній злобы роковой!
Забытый, пасмурный и скучной
Живу одинъ среди людей,
Томимый мукою своей
Вездѣ со мною неразлучной....
Безжалостный, свирѣпый взоръ,
Привѣтъ холодный состраданья,
Всё новой пищей для страданья,
Всё новый, вѣчный мнѣ укоръ!...
Однѣ тревоги и волненья,
Картины гибели и зла —

Даряшъ минуты ушѣшенья
Тому, кто умеръ для добра! . . .
Такъ, уничтоженный для жизни,
Послѣдней кровью для отчизны
Я жажду смыть мое пятно! . . .
О, еслибъ нѣкогда оно
Исчезло съ слѣдомъ укоризны! . . .
Военный гулъ гремитъ въ горахъ,
Кляпвопреступный Дагестанецъ,
Лезгинъ, Чеченецъ, Закубанецъ
Со мною встрѣтятся въ бояхъ! . .
Не измѣню Царю и долгу!
Лечу за честію вездѣ,
И проложу себѣ дорогу
Къ моей потерянной звѣздѣ! . .

Межь тѣмъ подъ ризою ночною
Шумитъ въ разбойничьемъ лѣсу
Съ своей обычной быстротою
По голымъ камнямъ Аракъ-Су.
Но искры бунта съ новой силой
Пророкъ неистовый раздулъ,

И сталъ пустынною могилой
Мятежныхъ подданныхъ аулъ.
Всё пусто въ немъ! Свирѣпый пламень
Пожралъ жилище бѣглецовъ;
Обломки бревенъ, черной камень
И пепелъ брошенныхъ домовъ
Гласятъ объ участи враговъ!

Тамъ, гдѣ подъ Русскою защитой,
Недавно цвѣлъ веселый миръ,
Лежитъ возникшій и разбитый
Чеченской волѣности кумиръ.
Поля и нивы золотыя,
Удѣлъ богатый пашины,
Въ мѣста унылыя, пустыя
Въ единой мигъ обращены.
Ихъ топчетъ всадникъ безпощадный
Своимъ гуляющимъ конёмъ,
Межь нѣмъ какъ хищникъ кровожадный
Въ оцѣпенѣніи нѣмомъ
Клянетъ отмстительную руку
Неодолимаго бойца,

И видитъ съ жалостью отца
Тоску, отчаянье и муку
Своей жены, своихъ дѣтей,
Которыхъ онъ изнеможенныхъ,
Нагихъ и гладомъ изнуренныхъ
Сокрылъ въ пристанищѣ звѣрей . . .

Передъ ауломъ надъ рѣкою,
Въ огняхъ, какъ пламенный волканъ,
Стоитъ громадой боевою
Каратель буйныхъ, Русской станъ.
Не многолюдныя дружины,
Въ легучихъ ставкахъ и шатрахъ
По скату вражеской долины,
Окрестъ себя наводятъ страхъ!
Нѣтъ! око видитъ съ изумленьемъ
Въ пришельцахъ Русскихъ горсть людей;
Но эта горсть съ пренебреженьемъ
Пойдетъ на тысячи смертей! . .
Не въ первый разъ подъ ихъ стопами
Хруститъ въ лѣсахъ осенній листъ,

Не въ первый разъ надъ головами
Они внимаютъ пули свисть! . .
То дѣти чести безъукорной,
Владыки сабли и шпыка!
Мятежникъ, хищникъ непокорной
Ихъ знаетъ — эти три полка! . . . .
Всегда въ крови на вражьемъ трупѣ,
Всегда съ побѣдой впереди:
При Экдери, при Маюршупѣ,
Подъ богатырскимъ Кошкильди!
Вблизи разсыпана ватага
Неукрашимыхъ ѣздоковъ,
Казачья буйная отвага,
Краса линейныхъ удальцовъ.
Татарскій видъ, вооруженье,
Страны отечественной грудь,
Всё можетъ въ рыцаря вдохнуть
Боязни тайной впечатлѣнье!
Взращенный въ сѣчахъ на конѣ;
Онъ дышетъ смертью на войнѣ! . .
Всегда въ трудахъ, всегда въ движеньи
Сія блуждающая рать!
Ея удѣлъ и назначенье
Законъ и правду охранять!

Въ странѣ гористой Печенѣга,
Гдѣ житель Русскаго села,
Безъ вѣрной шашки у сѣдла
Не безопасенъ отъ набѣга;
Гдѣ миръ колеблемый спаницъ,
Ненарушимость достояній,
И святость правъ, и честь дѣвицъ
Нерѣдко жертвою стяжаній
Неумолимыхъ кровопійцъ;
Гдѣ беззащитные трепещутъ,
Гдѣ въ тишинѣ полночной блещутъ
Ножи кровавые убійцъ —
Необходимъ безстрашный воинъ,
Опора слабыхъ, страхъ врага,
И вѣрный долгу, онъ достоинъ
Изъ рукъ безсмертія вѣнка!

Взяла довольно храбрыхъ воевъ
Неукрашимая страна;
Молва гласитъ намъ имена
И жизнь и подвиги героевъ.

Довольно труповъ и костей
Пожрали варварскія степи;
Но ни огонь, ни мечь, ни цѣпи
Не уничтожили страстей
Звѣроподобнаго народа!
Его стихія кровь и бой,
Насильство, хищность и разбой,
И безначальная свобода.

Ермоловъ, грозный великанъ
И трепетъ буйнаго Кавказа!
Ты, какъ мерцающій ураганъ,
. . . . . .
Въ скалахъ злодѣевъ пролеталъ!
Въ твоемъ владычествѣ суровомъ,
Ты скипетромъ мощнымъ и свинцовымъ
Главы Эльбруса подавлялъ!
И ты, нежданный и крылатый
Всегда неистовый боецъ,
О Грековъ страшный и заклятый
Кинжаломъ мести наконецъ!
Что грохотъ вашего Перуна?

Что мигъ коварной тишины?
Народы Сунжи и Аргуна
Донынѣ въ пламени войны;
Брега Кай-су, брега Кубани
Досель обмыты кровью брани!
Тамъ, гдѣ возникнулъ Бей-Булатъ,
Не истребятся Адиги;
Тамъ вьются гидрами злодѣи
И вѣчно царствуетъ булатъ!

Онъ здѣсь, онъ здѣсь, сей сынъ обмана,
Сей геній гибели и зла,
Глава разбоя и Корана,
Бичь Христіянъ — Козы-Мулла!
»*Пророкъ, наслѣдникъ Магомета,*
Братъ старшій солнца и луны....
Вотъ титла хитраго атлета
Въ устахъ безсмысленной страны!...
Онъ чуждъ пронырства лицемѣра,
Оно не нужно для глупцовъ,
Ему довольно пары словъ:
Такъ Богъ велитъ, такъ хочетъ вѣра!
Онъ всё для горцевъ: судія,

Пророкъ, наставникъ, предводитель
И первый правъ и бышія
Своихъ Апосполовъ гонитель!
Тамъ, обольщая Дагестанъ,
Онъ грабитъ Русскаго вассала;
И слабый поддапный Шамхала
Влечется силою въ обманъ!....
Граната въ паркъ дохнула адомъ....
Скалы на воздухъ!... Громъ, огонь
Взвились надъ моремъ!.. Всадникъ, конь,
Всё пало ницъ кровавымъ градомъ...
Пророкъ исчезъ съ своимъ отрядомъ....
Тамъ онъ, разливъ какъ океанъ
Свои мятежные народы,
Вкругъ малой горсти Россіянъ
Грозитъ бѣдой, отводитъ воды....
Но крѣпость Русская шверда,
Не стонетъ воинъ изнуренный,
Сверкаетъ штыкъ ожесточенный...
И льется къ жаждущимъ вода!
Что жь геній замысловъ преступныхъ,
Посланникъ мнимый Божества?
Съ гремящей славой торжества
Онъ оставляетъ недоступныхъ,

И поучаетъ Музульманъ
Передъ началомъ первой битвы
Читать прилежнѣе молитвы
И вѣрить твердо въ Алкоранъ!...

Вотъ тайна властвовать умами!
Вотъ легковѣріе людей,
Всегда готовое мечтами
Питать волненіе страстей!....
Надеждой ложной и безумной
Лукавецъ очи ослѣпитъ,
И сонмъ невѣждъ хвалою шумной
Свою погибель одобритъ!
Уже тогда, какъ грозно, грозно
Накажетъ насъ правдивый мечь,
Хотимъ мы съ робостью пресѣчь
Ударъ отмстительный, но поздно!
Тогда въ ужасной наготѣ
Предстанетъ намъ внезапно совѣсть,
И умъ, блуждавшій въ темнотѣ;
Прочтетъ ея живую повѣсть!

О, для чего я на себѣ
Влачу раскаянія бремя? . .
Зачѣмъ счастливѣйшее время
Я отдалъ бурямъ и судьбѣ
Несправедливой, своенравной,
Убійцѣ пылкаго ума? . .
Ужель послѣдней ночи тьма
Застанетъ трупъ мой всё безславной,
Всё ненавистный для людей,
Отраду враговъ и червей? . . .

Межъ тѣмъ подъ ризою ночною
Шумитъ въ разбойничьемъ лѣсу
Съ своей обычной быстротою
По голымъ камнямъ Аракъ-Су.
Мелькая въ немъ свѣтло и стройно
Луна плыветъ въ туманной мглѣ;
Дружина Русская покойно
Стоитъ на вражеской землѣ . . . .
Ночлегъ на мѣстѣ — нѣтъ сомнѣнья . . . .
Въ костпрахъ Чеченскіе дрова,

Вокругъ забота и движенья,
И пѣсни звучныя слова . . .
Иные спятъ, другіе бродятъ,
Въ кружкахъ толкуютъ кой о чемъ;
Бекетъ смѣняютъ, цѣпь разводятъ,
Смѣются, вздорятъ о пустомъ.
Въ одной палаткѣ за стаканомъ
Видна мірская суета;
Въ другой досужная чета,
Засѣвъ *en grand* надъ барабановъ,
Преважно судитъ о *Плѣ*;
А прешій зритель машинально
Имъ поясняетъ пунктуально,
Что даму слѣдуетъ на *Пе*.
»У всякаго своя охота,
Своя любимая забота,«
Сказалъ любимый нашъ Поэтъ,
А потому сомнѣнья нѣтъ,
Что часто въ лагерѣ походномъ
Мы видимъ также точно свѣтъ,
Какъ и въ собраньѣ благородномъ;
Но вотъ различіе: въ одномъ,
Вѣрнѣе нежели въ другомъ!
Тѣу — какъ несбыточны догадки,

Лишь только даму въ третій разъ
На *Пе* загнули, вдругъ приказъ:
Снимать не медленно палатки!
Приказъ исполненъ въ тишинѣ;
Богажъ уложенъ, цѣпи сняты;
Въ строю расчитаны солдаты,
И всадникъ въ буркѣ на конѣ....
Походъ. Маршъ, маршъ по отдѣленьямъ!
Развились лентой козаки,
И съ непонятнымъ впечатлѣньемъ
Безмолвно тронулись полки....
Зарядъ на полкѣ, всё готово!...
На сердцѣ дума: вѣрно въ бой!..
Но вопросительнаго слова
Не знаетъ Русской рядовой!
Онъ знаетъ: съ нами Вельяминовъ!
И вѣритъ счастливой звѣздѣ!
Отрядъ покорныхъ исполиновъ
Ему сопутствуетъ вездѣ.
Онъ зналъ его давно по слуху,
Давно въ лице его узналъ!...
Такъ передать отважность духу
Умѣетъ горскій Аннибалъ!..
Онъ нашъ, онъ сладостной надеждѣ

Своихъ друзей не измѣнилъ,
Его въ грозу войны, какъ прежде,
Намъ добрый геній подарилъ!
Смотрите, вотъ любимый славой!
Его высокое чело
Всегда безъ гордости свѣтло,
Всегда безъ гнѣва величаво!..
Рисуютъ тихо думы слѣдъ
Его пронзительные взоры....
Доспойный видъ въ нихъ привѣтъ,
Ничтожный — честни приговоры!...
Онъ этимъ взоромъ говоритъ,
Живитъ, шерзаетъ и казнитъ.....
Онъ любитъ дѣло, а не слово....
Съ душою доброю — онъ строгъ!..
Судья прямой, но несуровой,
Безстрастно взыщетъ онъ за долгъ;
За чувство истинной пріязни
Онъ платитъ ласкою отца,
Никто изъ рабственной боязни
Не избѣгалъ его лица.
Всегда одинъ, всегда покоенъ,
Походомъ, въ станѣ предъ огнемъ
Съ замерзлымъ усомъ и ружьёмъ

Нерѣдко грѣется съ нимъ воинъ . . . .
Кудажь походъ во тьмѣ ночной ?
. . . . . .
Его опвѣтъ всегда простой :
»Куда ведетъ васъ барабанщикъ ? . . . . «

Но мы не первый разъ въ горахъ !
Ведетъ въ Внезапную дорога ,
Опъ ней въ двенадцати верстахъ
Аулъ. Мы знаемъ гдѣ тревога !
Идёмъ. Ужь полночь. Огоньки
Съ высотъ шверднии замелькали
По камнямъ рѣчки Козаки
Съ главой дружины проскакали ,
За ними въ слѣдъ полки впередъ ,
Артиллеристы на лафеты . . .
Патроны вверхъ , полураздѣты,
Ногой привычною мы въ бродъ.
Вопъ на горѣ передъ ауломъ . . . .
»Впередъ ! « А ! вѣрно на Сулакъ ?
Перелилось болтливымъ гуломъ.
Вѣдь говорилъ же намъ Козакъ ? —

Давноль, разспавшись съ Дагестаномъ,
На этомъ мѣстѣ, о друзья,
Наскуча длиннымъ Рамазаномъ,
Байрамъ веселый вспрѣтилъ я?
Тогда всё пѣло беззаботно
Въ деревнѣ счастливыхъ Ташаръ,
Въ то время Русскіе охотно
Желали видѣть ихъ базаръ.
Мирной Чеченецъ, Кабардинецъ,
Кумыкъ, Лезгинъ, Койсубулинецъ,
И Персіянинъ, и Еврей,
Забывъ вражду своихъ обрядовъ,
Пестрѣли здѣсь, какъ у друзей,
Красою праздничныхъ нарядовъ.
Въ толпѣ Андреевцевъ, Жидовъ,
Смотря на разныя проказы,
Кто не купилъ себѣ обновъ
Тогда на лишнія абазы?
Одинъ съ ружьёмъ приходитъ въ станъ,
Другой подъ буркою мохнатой,
Тотъ шашкой хвалится богатой,
А этотъ кажетъ ятаганъ.
Всего такъ много, такъ довольно,
Товаръ Востока на лицо,

И, признаюсь, меня невольно
Плѣнило горское кольцо
И трубка, ахъ! какая трубка?
Её разбила у меня
Потомъ невинное дитя,
Одна дѣвчонка душегубка!
Но, вѣрьте, я не пропущу
Смѣшной капризъ такого роду —
И по пятнадцатому году
Шалунью славно опомщу....
Теперь гдѣ лица, гдѣ наряды?
Гдѣ разноцвѣтный ихъ базаръ?
Нигдѣ задумчивые взгляды
Не встрѣтятъ ласковыхъ Тапаръ!
Разбойникъ яросный въ пустыню
Торговый городъ обратилъ,
И беззаконную гордыню
На пеплѣ саклей водворилъ.
Одни потомки Авраама
Покорны Русскому мечу,
И въ укрѣпленьяхъ Ташкичу
Ждутъ смѣло новаго Байрама.

Верхи Андреевой горы
Давно сокрылись для отряда,
Яснѣй туманная громада,
Сырѣе влажные пары.
Долина глухо впоритъ топотъ
Шаговъ фаланги боевой,
И зашумѣлъ передъ зарёй
Волны Кой-су прощяжный ропотъ.
Вотъ прояснился небосклонъ!
Рѣка вблизи. На берегъ прямо
Кавалерійскій легіонъ
Коней изпуганныхъ упрямо
Торопитъ въ воду. Залпъ огней
Раздался вдругъ изъ камышей . . .
Покойно, тихо, безъ отвѣта
На ласку вражьяго привѣта
Плывутъ и ѣдутъ козаки . . . .
Впоричный залпъ . . . Опять молчанье . . .
Въ волнахъ разлившейся рѣки
И гулъ, и крикъ, и коней ржанье!
Вода свирѣпствуетъ, кипитъ,
Бугрями въ рашь отважныхъ хлещетъ,
Товарищъ всадника трепещетъ,
И леденѣетъ, и храпитъ . . . .

Вздымая морду другъ решимый
Въ спихіи грозной шонешъ съ гривой,
Дрожишъ, колеблется какъ чёлнъ,
Несёшъ завѣшнаго рубаку,
Или, предавшись злобѣ волнъ,
Безсильный, мчишся по Сулаку . . . . .
Но солнце блещешъ въ вышинѣ,
И Русской пушки гулъ мятежный
Гласишъ на вражьей сторонѣ
Чиръ-Юрша жребій неизбѣжный!

Вошъ онъ, отважнѣйшій въ горахъ,
Какъ Голіафъ неодолимой,
Спошшъ въ красѣ необозримой
На дикихъ каменныхъ скалахъ!
Возникшій въ ужасахъ природы,
Надмѣнный крѣпостью своей,
Онъ вѣчный воинъ мятежей
И спражъ разбойничьей свободы!
На зло примѣрной доброшѣ,
Вассалъ и другъ неблагодарный,
Какъ часто въ наглой черношѣ
Пишалъ онъ замыселъ коварный!

Осприлъ убійственный кинжалъ
На благодѣтельную руку,
И ей же съ робостью ввѣрялъ
Свою измѣну, жизнь и муку!
Но онъ придетъ сей люпый часъ!
Злодѣй проснется безъ отрады,
И будетъ тщетно скорбный гласъ
Просить оттверженной пощады!...

О, какъ безумна, какъ дерзка
Неустрашимость смѣльчака!..
Онъ презираетъ наши пули,
Смѣясь, готовится къ войнѣ,
И между тѣмъ въ его аулѣ
Дымятся сакли въ тишинѣ!....
Когда жена его и дѣти
Спремятся въ ужасѣ къ мечети
И въ прахѣ льютъ потоки слёзъ,
Кичливый варваръ съ небреженьемъ
Даритъ ихъ ложнымъ утѣшеньемъ,
Иль взоромъ гнѣва и угрозъ!

Слѣпецъ, увѣренный тираномъ
Въ своей надеждѣ роковой,
Клялся торжественно Кораномъ,
Мечемъ и бритой головой
Спасти могилы Правовѣрныхъ
Отъ поруганія собакъ,
И кровью воиновъ невѣрныхъ
Насытить яростный Сулакъ!
Но не преступнаго Вассала
На жертву Русскому обрёкъ
Святой губитель ихъ Пророкъ;
О, нѣтъ! и подданныхъ Шамхала,
Мятежныхъ жителей Тарковъ
И Маюртупскихъ бѣглецовъ
Онъ здѣсь собралъ для истребленья!
И я клянусь своимъ ружьёмъ:
Козы-Мулла съ большимъ умомъ
И въ правѣ требовать почтенья!
Его призывный къ брани кличъ
Всегда злодѣямъ новый бичъ!

Смотрите, вотъ они толпами
Съѣзжаютъ медленно съ холмовъ

И разстилаются роями
Передъ отрядомъ козаковъ.
Смотрите, какъ Таврическъ ловкой,
Одинъ, на выстрѣлъ боевой
Летитъ, грозя надъ головой
Своей блестящею винтовкой!
Съ коня далой — ударъ! и въ мигъ
Опять въ сѣдлѣ, спрѣлялъ снова,
Къ лукѣ узорчатой приникъ,
И нѣтъ наѣздника лихова!
Вотъ двое пѣшихъ за бугромъ. . . .
На сошки ружья, приложились. . .
Три пули свистнули кругомъ. . . .
Они отвѣтили и — скрылись!

Но пусть картечью и ядромъ
Пугаютъ робкихъ! Что задума
У Полководца на челѣ?
Среди Сулака, на сѣдлѣ

Взираешь мрачно и угрюмо
На переправу Генералъ.
По грудь въ водѣ, рука съ рукою,
Невѣрной, шашкою ногою
Пѣхотный сонмъ переступалъ;
Рѣка, какъ адъ съ отверзшимъ зѣвомъ,
Крутя валы съ ужаснымъ ревомъ,
Твердыню храбрыхъ облила;
За каждый шагъ — назадъ, спѣною
Дружину съ ношей боевою
Волна свирѣпая гнала.....
Собравъ измученныя силы,
Безъ словъ, но съ бодрою душой,
Они встрѣчаютъ мракъ могилы
И образъ смерти предъ собой!
Одинъ упалъ, другой слабѣетъ...
Шатнулся, палъ... и въ цѣлой росшъ!
На помощь кони: тотъ за хвостъ,
Другой на гривѣ цѣпенѣетъ!
Ныряютъ сабли и штыки,
Несутся пушки съ лошадями;
Летаетъ гибель надъ главами —
Идутъ безтрепетно полки!...

Всегда задумчивый, глубокой
Цѣнитель сердца и людей,
Но, зашанвъ въ душѣ высокой
Волненье чувства и страстей,
Не измѣня чела и взора,
Онъ вдругъ рѣшается: »назадъ!«
Онъ рекъ — и силу приговора
Покорно выполнилъ отрядъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Да будетъ проклятъ злополучный,
Который первый ощутилъ
Мученья зависти докучной:
Онъ первый брата умертвилъ!
Да будетъ проклятъ нечестивый,
Извлекшій первый мечъ войны
На тѣ блаженныя страны,
Гдѣ жилъ народъ миролюбивый! . . . «

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Печальный геній падшихъ царствъ,
Великой истины свидѣтель,
Законъ и мечь! Вотъ добродѣтель!
Единый мечь — душа коварствъ!
Доколь они въ союзѣ оба,
Дотоль свободенъ человѣкъ!..
Закона нѣтъ, проснулась злоба,
И мечь права его разсѣкъ!

Вотъ корень жизни безначальной!
Вотъ бичь любимый сатаны!..
Вина разбоя и войны,
Кавказа факелъ погребальный!....
И ты сей жребій изпыталъ,
Чиръ-Юртъ отважный, непокорный!
Ты грозно бился, грозно палъ
Съ твоей гордынею упорной!

О, какъ ужасно разлилось
Меча губительнаго мщенье! . . .
Какъ громко, страшно раздалось
Въ туманахъ горъ твое паденье!
И часъ пробилъ! Чиръ-Юрта нѣтъ!
Въ стѣнахъ Чиръ-Юрта сынъ побѣдъ,
Огонь, гроза и разрушенье! . . .

Толпа враговъ изъ далека,
Взирала съ радостью шумной
На отступленіе врага.
Оно надеждою безумной
Питало ярость смѣльчака;
Оно вѣщало суевѣрнымъ
Опредѣленіе небесъ:
»Самъ рокъ прогнѣвился невѣрнымъ
И Гяуръ мстительный исчезъ!«
Сильнѣй отвага горделивца,
Спѣсивѣй варварская честь,
И мчитъ по саклямъ кровопійца
Никѣмъ неслыханную вѣсть!

Какой восторгъ и изумленье
И женъ, и старцевъ, и дѣтей!
Какое бурное волненье
Среди народныхъ площадей
»Я здѣсь, рабы мои! Я съ вами!
Вѣщаетъ гласъ среди толпы,
Я вамъ безгрѣшными устами
Открою таинства судьбы!
Какъ волны моря отъ граница
Отъ васъ отхлынули враги;
Но сила дивная рѣки
Была небесная защита!
Внимайте мнѣ: придутъ полки,
Придутъ сюда за палачами,
И мечь невидимой руки
Сразитъ ихъ вашими мечами!
Молите Бога! Сильный Богъ
Пріемлетъ пѣплыя молитвы;
Но для неправедныхъ жестокъ
И страшенъ онъ на полѣ битвы! . . . .«
— Исчезни рабственный позоръ!
Завыли грозно изувѣры,
Умрёмъ за вольность нашихъ горъ,
За край родной, за святость вѣры! —

Чей гласъ пламенственный вѣщалъ
Слова коварства и обмана? . . .
Кто имя Бога призывалъ?
Мятежникъ горъ и Дагестана!
Но гдѣ отрядъ? Уже ли онъ
Съ своимъ вождемъ не занятъ славой?
Ужель пророкомъ осуждёнъ
Онъ вѣчно быть надъ переправой?
И утомивши наконецъ
Себѣ страдальческій вѣнецъ
За пиръ послѣдній и кровавый,
Который дать желаетъ намъ
Въ угодность бритымъ головамъ? . . .

О горе, горе! по Сулаку
Вблизи отыскавъ новый бродъ,
И вождь на гибельную драку
Проклятыхъ Гяуровъ ведётъ!
»Бѣда! . . Помилуй, ради Бога!
Чего вы хочешь Генералъ? . . .
Пророкъ шутить не будетъ много,
Онъ насъ повѣсить обѣщалъ!

Пропали мы, пропали гуртомъ!
Но онъ не слышитъ., онъ идетъ.....
И что за чудо? Весь народъ
Живой явился подъ Чиръ-Юртомъ!«

Простите, милые друзья,
Когда за важностью разсказа
Всегда родится у меня,
Не кстати шутка и проказа!
Ей ей, не знаю почему
Я своевольничать охотникъ,
И, признаюсь вамъ, не работникъ
Ученой скукѣ и уму!
Мнѣ дума вольная дороже
Гарема свѣтлаго Паши;
Или почти одно и тоже
Она душа моей души.
Боюсь, какъ смерти, разныхъ правилъ,
Которыхъ впрочемъ, по нуждѣ
Въ моральной жизни и въ бѣдѣ
Благоразумно не оставилъ;

Но правилъ тяжкаго ума,
Но правилъ чтенья и письма
Я не терплю, я ненавижу
И, что забавнѣе всего,
Не видѣлъ прежде и не вижу
Большой упрашы опъ того.
Я прозу съ пользою изчислю,
И вопъ что послѣ вывожу:
Когда пишу, тогда я мыслю,
Когда я мыслю, по пишу....
Скажи же, милый мой читатель,
И равнодушный судія —
Ужель я долженъ, какъ писатель,
Измучить скукою себя?...
Уже ли день и ночь для славы
Я долженъ голову ломать;
А для младенческой забавы
И двухъ спиховъ не написать?..
Мы всѣ, младенцы пожилые,
Смѣшнѣе маленькихъ ребятъ,
И вѣрь: за шалости браняпъ
Одни лишь глупые и злые.

Всё тихо въ лагерѣ ночномъ!
Къ землѣ приникнувъ головою,
Съ своимъ хранителемъ ружьёмъ
Приноситъ Русской дань покою.
Пипомецъ Сѣвера и льдовъ,
Не зная прихоти и нѣги,
Вездѣ завидные ночлеги
Себѣ находитъ у враговъ.
И сонъ угрюмый надъ ауломъ
Летаетъ съ образомъ луны;
Одна рѣка прошлажнымъ гуломъ
Тревожитъ царство тишины.
О сонъ лукавый, сонъ опасный,
Товарищъ думы и тоски!
Тебя привѣтствуютъ напрасно
Сіи мятежные враги!...
Отрады сладкаго забвенья
Всегда чуждается злодѣй,
И ты крыломъ успокоенья
Съ подругой сердца и ночей
Не осѣнишь его очей!
Увы! печальна, одинока,
Съ душевной бурей на челѣ,
Какъ жертва крови и порока,

Таится бѣдная во мглѣ!
Она исполнена боязни,
Для ней погибъ надежды лучь:
Ей свѣтлый день за ризой тучь
Предвѣстникъ гибели и казни!...
А онъ, убійца юныхъ дней
Подруги сердца и ночей,
Межь шѣмъ, безсонный, на кинжалѣ
Лежитъ въ разбойничьемъ завалѣ!

Но вотъ ужь ранняя звѣзда
Въ пустыняхъ неба показалась;
Волнистой пѣнью нагота
Полей и горъ обрисовалось.
Ударилъ звонкій барабанъ;
Завыла пушка вѣсповая,
И полунощный великанъ
Возсталъ какъ туча громовая!
Молитва къ Богу, мечь во длань,
И за начальникомъ отряда
Толпой безстрашною на брань
Валитъ безмолвная громада.

Пѣвецъ Гюльнары! для чего
Въ избышкѣ сердца моего,
Въ порывахъ сильныхъ впечатлѣній,
На зло природѣ и судьбѣ,
Зачѣмъ неравенъ я тебѣ
Волшебнымъ даромъ пѣснопѣній?
Тогда бы кистію твоей,
Всегда живой и благородной,
Я пронулъ съ гордостью свободной
Сердца холодныя людей!
Тогда, владыка величавый
Перуна, гибели и зла,
Изобразилъ бы я дѣла
Войны жестокой и кровавой!...
Отважный приступъ Христіанъ,
Злодѣевъ яростную встрѣчу,
Орудій громъ, пальбу и сѣчу,
И смерть, и кровь, и трепетъ ранъ.
Изобразилъ бы я страданье
Полуживаго мертвеца....
И жилъ и членовъ содраганье,
Его послѣднее дыханье
И чувства мертваго лица!...
Но ты, пѣвецъ души и чувства,

Умѣя смертныхъ презирать,
Ты намъ не передалъ искусства
Умы и души волновать!..
Какъ непонятное явленье
Исчезло міра изумленье:
Великій Геній и Поэтъ!...
Осиротѣвшая природа
И новой Греціи свобода
Вѣщаютъ вамъ: Байрона нѣтъ!..
. . . . . .
. . . . . .

Недолго воины Москвы
Своихъ враговъ искали вы!
На заповѣданной молитвѣ,
Съ ружьёмъ и шашкою въ рукахъ
Вы ихъ узнали на холмахъ,
Давно готовыхъ къ лютой битвѣ.
Свинецъ летучій, разсыпной
Вспрѣчаетъ рашь передовую,

И первый разъ въ толпу лихую
Направленъ мешкою рукой
Ударъ картечи боевой . . . .
И разлетѣлся съ рокошаньемъ
Зарядъ чугуннаго жерла,
И Салашовецъ съ содраганьемъ
Бѣжитъ до новаго холма . . . .
Засѣлъ. Проходитъ ополченье.
Кремни спучатъ, ядро свиститъ . . .
Защита . . . напускъ . . . отраженье . . .
Злодѣй разсѣянъ и бѣжитъ!

Отрядъ идетъ густой колонной;
Но на пути большой оврагъ,
Кругомъ завалы; злобный врагъ
Изъ за утесовъ пѣшій, конный
Стрѣляетъ въ цѣпь и въ козака.
На встрѣчу гулъ единорога,
Картечи, ядры въ смѣльчака —
И снова чистая дорога.

Линейный всадникъ впереди,
Усачь съ крестами на груди,
Отважный Зассъ его главою,
Всегда въ виду, всегда въ огнѣ,
Подъ нимъ летаетъ конь Гусарской;
Передъ полками Князь Черкасской
И Полководецъ на копѣ.
Земля трясется; тучи дыма,
Жужжанье пули, свистъ ядра,
И штыкъ, и сабли, и ура
Приводятъ въ трепетъ Мизранма.
Онъ уступаетъ чудесамъ,
Клянетъ открытое сраженье,
И, угрожая въ отступленьи,
Спѣшитъ къ завалямъ и спѣнамъ.

Искусство, сила и природа
Слились, казалось, за одно
Въ защиту дикаго народа:
И рвы, и насыпь, и бревно,
И неприступными рядами,
Какъ время вѣчныя скалы.

Надъ ними вьются временами
Одни свирѣпые орлы,
И съ алчнымъ крикомъ облетая
Въ глуби туманной вышины
Чиръ-Юртъ и горы Балтугая,
Невольно въ жителей страны
Вдыхаютъ ужасы войны.
Тамъ, укрѣпясь ожесточеньемъ,
Засѣли бодрые враги
И ожидали съ пребреженьемъ
Иноплеменные полки.
И вопъ они передъ врагами
Съ своими страшными громами
Идутъ непрепетной грядой;
Питомцы хищнаго разбоя
Огонь открыли роковой,
И зашумѣла надъ степной
Гроза рѣшительнаго боя.

Не видно болѣе въ дыму
Ни скалъ, ни воиновъ аула;
Въ тревогѣ приступа, въ шуму,
Въ разкатахъ пушечнаго гула

Не слышно голоса вождя;
Но онъ повсюду, вождь упрямый:
Иди впередъ, кидайся прямо
Въ огонь свинцоваго дождя —
Онъ тамъ, покойный, величавый;
Онъ видитъ всё, его рука
Вамъ указуетъ и врага,
И путь давно знакомой славы!
Смотрите: вотъ бросаетъ онъ
Стрѣлковъ Бутырскихъ батальонъ
Съ крутаго берега Сулака!
Пока у варваровъ кипитъ
Съ бойцами Егерьскими драка,
Стрѣлокъ отважный поспѣшитъ
Тропой невидимой къ оплоту —
И врагъ, противной стороной,
Увидитъ вдругъ передъ собой
Неотразимую пѣхоту.

Но бой сильнѣе! Вотъ ядро
Разбило твердое ребро
Полугранитнаго завала....
И взумился суевѣръ!

Неустрашимый офицеръ,
Покорный волѣ Генерала,
Взлетаетъ съ скоростью ядра
На вышину другой защиты,
За нимъ друзья его . . . . ура!
Толпы неистовыя сбиты!
И — на завалѣ яшаганъ
И разогнутый алкоранъ!

Какое гибельное море
На осажденныхъ пролилось!
И громъ, и трескъ, и горе, горе:
Велѣнье Мощнаго сбылось!
Бунтырцы въ схваткѣ рукопашной
На опрокинутой стѣнѣ;
Московецъ, Егерь тучей страшной
На новой сбитой сторонѣ;
Визжатъ картечи, ядра, пули
Катятся камни и шѣла,
Гремитъ ужасное: Алла!
И пушка Русская въ аулѣ! . . . .

Кто проникалъ въ сердца людей
Съ глубокимъ чувствомъ изученья;
Кто знаетъ бури, потрясенья —
Слѣды печальные страстей;
Кто испыталъ въ коварной жизни
Ея тоску и мятежи,
И послѣ слышалъ укоризны
Во глубинѣ своей души;
Кому знакомы месть и злоба —
Ума и совѣсти раздоръ —
И наконецъ при дверяхъ гроба
Уничиженія позоръ;
Кого обманывалъ сокрашно
Невѣрный счастья идеалъ;
Кто всё ужасно, невозвратно
Въ безумствѣ жалкомъ потерялъ;
Кто силой опыта измѣрилъ
Земнаго блага суеты.....
Тому бъ страдальцу я повѣрилъ
Мои унылыя мечты,
Мой умъ, мой духъ, воображенье,
Подъ залпомъ тысячей громовъ,
На трупахъ Русскихъ и враговъ,
На страшномъ мѣстѣ пораженья!..

Но, ахъ! въ убійственной глуши
Едвали я самъ не безъ души!...

Всё истребляетъ, бьетъ и губитъ
Вездѣ бѣгущаго врага;
Его безпамятнаго рубитъ
Кинжалъ и шашка Козака.
Жестокой местію пылая
Въ бою послѣднемъ, роковомъ
Его пѣхота удалая
Сражаетъ пулей и штыкомъ.
Дитя безумнаго мечтанья,
Надежда храбрыхъ умерла,
И падшей гордости стенанья
Съ собой въ могилу унесла.
Бѣжитъ злодѣй, несомый страхомъ,
За нимъ летучая гроза,
И смерти лютая коса
Съ своимъ безжалостнымъ размахомъ.
Въ домахъ, по стогнамъ площадей,
Въ изгибахъ улицъ отдаленныхъ
Слѣды печальные смертей
И груды тѣлъ окровавленныхъ.

Неумолимая рука
Не знаетъ строгаго разбора:
Она разитъ безъ приговора
Съ невинной дѣвой старика
И беззащитнаго младенца;
Ей ненавистна кровь Чеченца,
Христовой вѣры палача —
И блещетъ лязвее меча!

Какъ великанъ объятый думой,
Окрестъ себя внимая гулъ,
Стоитъ громадою угрюмой
Обезоруженный аулъ.
Бойницы, камни, и шпердыни,
И длинныхъ скалъ огромный рядъ,
Надежный щитъ его гордыни,
Предъ нимъ повержены лежатъ.
Ихъ оросили кровью черной
Его могучіе сыны,
И не подниметъ вѣперъ горной
Красы погибшей стороны:
Оборонительной стѣны
И стражей воли непокорной!...

И всё въ унынiи кругомъ !
Его судья , властитель новый ,
Въ ущелья горъ за бѣглецомъ
Теперь несётъ ударъ громовый ! . . .

Не воинъ , клявшiйся Аллой
Разсѣять сонмъ иноплеменной ,
Не воинъ битвы дерзновенной ,
Отважный духомъ и рукой ,
Полуразсѣянный , разбитый ,
Но вѣчно грозный для врага ,
Всегда готовый для защиты ,
Бѣжитъ , грозя издалека
Побѣдоносному Герою ,
И вдругъ нежданный перевѣсъ
Даётъ отчаянному бою.
Нѣтъ , воинъ ярости исчезъ
Съ своею клятвой на завалъ ;
Сполпы Чиръ-Юршскiе упали
Съ утратой славы Музульманъ ,
И лютой мести ураганъ

Вился надъ робкими душами,
Въ огнѣ поперянныхъ головъ,
Надъ беззащитными руками
Обыкновенныхъ бѣглецовъ...
Не страшите лишняго заряда
Рои крылатые стрѣлковъ,
Для очарованнаго спада
Довольно сабли и штыковъ!
Холмы, ущесы и стремнины,
Всё непріязненному путь;
Но въ слѣдъ за нимъ — повсюду грудь
И мечь торжественной дружины...
За ней отчаянье и стонъ,
И кровь, и смерть со всѣхъ сторонъ!

Между крутыми берегами,
Всегда обмытыми водой,
Шумишъ кипучими валами
Кой-су туманный и сѣдой.
Прошивникъ вѣчный Русской силы
Въ холодной сферѣ глубины
Не разъ готовилъ онъ могилы

Дѣтямъ полночной стороны.
Неукротимый и суровой,
Недавно съ яростію новой
Онъ ополчался на коней
И смѣлыхъ воиновъ Завѣта,
Когда толпа богатырей
На брашный берегъ Магомета
Вносила тысячу смертей.
Еще подъ каменной скалою,
Привязанъ счастливый челнокъ,
На коемъ раннею порою
Вчера пронесся лжепророкъ.
Съ какою радостію бурной
Волною свѣтлой и лазурной
Онъ лобызалъ его края,
Дарилъ, какъ вѣтеръ, легкимъ бѣгомъ,
И силу дивную шая,
Осшановилъ его подъ брегомъ.
Теперь кипучею волной,
Сражаясь съ черными скалами,
Опять шумитъ подъ берегами
Кой-су шуманный и сѣдой.

Уста коварнаго пророка
Вѣщали гибель и обманъ,
И обратились силы рока
На суевѣрныхъ Музульманъ.
Но что за крикъ, и шумъ, и грохотъ
Опъ спѣшъ Чиръ-Юрша по горамъ,
И пули визгъ и конской топотъ
Гласятъ чудесное волнамъ?
Вошъ ближе, ближе! Подъ скалами
Кой-су не плещетъ, не шумитъ;
Потомокъ Канна полпами
На берегъ въ ужасѣ спѣшитъ.
Кой-су кипитъ, вздымаетъ волны,
Горами хлещетъ въ крутизну,
И воинъ бритый, пѣшій, конный
Стремглавъ слетаетъ въ глубину!
За нимъ каршечи!... Воютъ, стонутъ
Плывутъ мятежно, бьются, тонутъ
Сыны отчаянья и зла....
Спаси ихъ, праведный Алла!

О кто, свирѣпою душою
Войну и гибель полюбя,

Равнина бранная, тебя
Обмылъ кровавою росою?
Кто по ущесамъ и холмамъ
На радость демонамъ и аду,
На пиръ шакаламъ и орламъ
Разсѣялъ рашную громаду?
Какой земли, какой страны
Герои падшіе войны?
Всё тихо, мершво надъ волною;
Туманъ и миръ на берегахъ;
Чиръ-Юртъ съ поникшею главою
Стоитъ уныло на скалахъ.
Вокругъ его, на полѣ брани
Чернѣетъ дыму полоса,
И смерти алчная коса
Збираетъ горестныя дани!...

Приди сюда, о мизантропъ,
Приди сюда въ мечтаньяхъ злобныхъ
Услышать вопль, увидѣть гробъ
Тебѣ немилыхъ, но подобныхъ!

Взгляни, наперсникъ сатаны,
Самоотверженный убійца,
На эти трупы, эти лица,
Добычу яростной войны! . . .
Не зришь ли ты на нихъ печати
Перста невидимой руки,
Запечатлѣвшей стонъ проклятій
Въ устахъ страданья и тоски? . . .
Смотри на мглу ужасной ночи
Въ ея печальной тишинѣ,
На закатившіяся очи
Въ полубагровой пеленѣ. . .
За полчаса ихъ оживляла
Безумной ярости мечта;
Но пуля смерти завизжала —
Въ очахъ суровыхъ темнота!
Взгляни сюда, на эту руку,
Она дѣлила до конца
Ожесточеніе и муку
Ядромъ убитаго бойца!
Обезображанные персты
Жестокой болью сведены,
Окаменѣлые—оцверзпы,
Какъ лёдъ Сибирской холодны!

Вотъ умирающаго трепетъ:
Съ кровавымъ черепомъ старикъ . . .
Еще издалъ протяжный лепетъ
Его коснѣющій языкъ . . .
Лучъ жизни вѣетъ и проснулся
Въ мозгу разсѣченной главы . . .
Чернѣетъ . . . вздрогнулъ . . . пронялся —
И нѣтъ поклонника Аллы!

Повсюду жертвою погони,
Во прахѣ всадники, и кони,
И нагруженныя арбы,
И побѣдителямъ на долю
Вездѣ разсѣяны по полю
Мятежной робости дары:
Кинжалы, шашки, пистолеты,
Парчи узорныя, браслеты
И драгоцѣнные ковры.

Чрезъ долы, холмы и стремнины
Съ челомъ отваги боевой
Идутъ торжественной тропой
Къ аулу Русскія дружины.
За ними въ слѣдъ игра судьбы,
Между гранеными штыками
Влачатся грустными толпами
Иноплеменные рабы.

Возставъ надъ вѣчною могилой
Въ послѣдній разъ издалека
Чиръ-Юртъ пустынный и унылый
Встрѣчаетъ грознаго врага.
Сверкаетъ, пышетъ бурный пламень;
Ушесы вторятъ трескъ и гулъ,
И указуютъ пеплъ и камень,
Гдѣ былъ разбойничій аулъ!

Когда воинственная лира,
Громовый звукъ печальныхъ струнъ,
Забудетъ битвы и перунъ
И возпоётъ отраду мира?
Или задумчивый пѣвецъ,
Обманутъ сладостною думой
Всегда печальной и угрюмой,
Найдетъ во браняхъ свой конецъ?

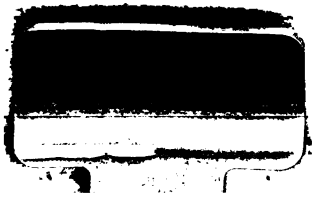
ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			*Читай:*
Стран.	*Строк.*		
18	4	Непреступная	Неприступная
64	21	миръ	міръ

RETURN TO → MAIN CIRCULATION

ALL BOOKS ARE SUBJECT TO RECALL
RENEW BOOKS BY CALLING 642-3405

YB 56987

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C043237054